

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

О.Б. ЛЕОНТЬЕВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ XIX В.

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 46.04.01 История

САМАРА
Издательство Самарского университета
2023

УДК 93/94(075)
ББК 63.3(2)51я7
Л 478

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Е. П. Баринова,
д-р ист. наук, проф. Н. Ф. Тагирова

Леонтьева, Ольга Борисовна

Л 478 **Общественная мысль в России XIX в.:** учебное пособие /
О.Б. Леонтьева. – Самара: Издательство Самарского
университета, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-7883-1898-1

Учебное пособие призвано помочь обучающимся по дисциплине «Интеллектуальная история России» в подготовке к учебным занятиям и промежуточной аттестации.

В пособии рассматриваются ключевые этапы развития российской общественной мысли XIX в., анализируются мировоззренческие и концептуальные особенности ее важнейших направлений – славянофильства, западничества, нигилизма, народничества, либерализма и консерватизма. Содержатся задания для самостоятельной работы студентов.

Предназначено для обучающихся магистратуры исторического факультета Самарского университета по направлению подготовки 46.04.01 История.

Подготовлено на кафедре российской истории.

УДК 93/94(075)
ББК 63.3(2)51я7

ISBN 978-5-7883-1898-1

© Самарский университет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
1. Славянофильство в русской мысли 1830-1850-х гг.....	7
2. Западничество в русской мысли 1830-1850-х гг.....	17
3. Либерализм эпохи Великих реформ	28
4. Нигилизм в общественной мысли 1850-1860-х годов.....	36
5. Народничество эпохи Великих реформ.....	46
6. Консерватизм пореформенного периода.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	79

ПРЕДИСЛОВИЕ

Объект изучения в рамках настоящего курса составляет интеллектуальная история России. Интеллектуальная история представляет собой одну из отраслей исторической науки, изучающую историю интеллектуальной деятельности людей по познанию мира и человеческого общества (Репина, с. 268). Интеллектуальная история по сути своей носит междисциплинарный характер, охватывая историю научных и философских школ, политических течений, морально-нравственных, эстетических и религиозных исканий. Методология интеллектуальной истории позволяет не воспринимать все эти сферы интеллектуальной деятельности как замкнутые и самодостаточные, а, напротив, попытаться отыскать нечто общее – ментальные привычки и стереотипы, «дух времени», систему ценностей эпохи, которая пронизывала и литературу, и политическую мысль, и гуманитарные науки изучаемого периода.

В качестве **предмета изучения** в рамках данного курса выбран один из аспектов интеллектуальной истории России, а именно общественная мысль в России XIX в.

Термин «общественная мысль» широко применялся российскими исследователями еще до революции 1917 г. (Иванов-Разумник; Плеханов). Смысл этого понятия многозначен. В «Толковом словаре» В.И. Даля «общество» определяется как «собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями» – от «гражданского общества» до «общины, цеха» (Даль, т. 2, с. 655). Термин «общественность» более узкий по своему значению; в XIX в. под ним понимали образованные круги населения, активно участвующие в жизни общества, способные на коллективные инициативы ради общего блага.

В соответствии с этим термин «общественная мысль» в зависимости от контекста может означать:

– совокупность идей и взглядов, которые разделяются многими людьми («обществом» или «общественностью») на том или ином историческом этапе;

– «мысль об обществе», то есть размышления о социальном устройстве, о его справедливости или несправедливости, о перспективах его исторического развития;

– «мысль, высказанную для общества», то есть идеи, распространяемые открыто, публично – через средства массовой информации, литературу, с университетской кафедры и так далее.

В рамках данного курса под общественной мыслью понимаются мировоззренческие поиски российских мыслителей, направленные на выработку представлений о желаемых путях развития общества и оказавшие влияние на формирование идей и взглядов образованных кругов российского общества XIX в.

Хронологические рамки курса выбраны исходя из следующих соображений. В истории России XIX в. вместили в себя многое: закат крепостничества – и Великие реформы 1860-1870-х годов, открывшие дорогу развитию капитализма в России; противоборство террористов-народовольцев с императорской властью – и попытку консервативных контрреформ в правление Александра III; наконец, начало формирования политических партий и канун российских революций. Социально-экономические и политические перемены сопровождались интенсивным развитием общественной мысли: обществу необходимо было определить исторические перспективы своего развития, выработать новые цели и идеалы. Условия для поиска решений этих проблем в пореформенной России были обеспечены развитием гуманитарных наук, литературы и журналистики, относительной свободой слова, в большей или меньшей степени дававшей возможность существования различным общественно-политическим течениям; наконец, формированием интеллигенции как особой социальной группы. Особенностью российской интеллигенции было то, что она осознавала себя не просто как социальную

группу или профессиональную общность, но как «духовный орден», долг которого – быть идейным лидером общества.

Цель курса состоит в том, чтобы научиться ориентироваться в ведущих направлениях российской общественной мысли и основных этапах ее развития, выявлять мировоззренческие и концептуальные особенности ее важнейших направлений, историю их становления, эволюционного развития, противоборства друг с другом.

В соответствии с данным подходом определены **задачи курса**: проследить за развитием основных направлений русской общественной мысли, уделяя при этом внимание следующим ключевым проблемам:

- формированию общественного и национального самосознания (поискам «русской идеи»);
- представлениям российских мыслителей о социальной справедливости, об идеале общественного устройства, о наиболее острых проблемах современного им общества и путях их решения;
- представлениям о ходе истории (о прогрессе, регрессе и цикличности в историческом процессе, об исторической закономерности и о роли личности в истории).

Источниковой базой курса являются *произведения русской общественной мысли*: монографии, статьи, художественные произведения видных отечественных мыслителей, стремившихся воздействовать на систему ценностей своих современников.

Учебное пособие содержит необходимый объем информации, предназначенной для выполнения творческих заданий, подготовки к практическим занятиям и к промежуточной аттестации по предмету «Общественная мысль в России XIX в.».

Список литературы включает в себя основные публикации по рассматриваемой в пособии тематике.

1. СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В РУССКОЙ МЫСЛИ 1830-1850-Х ГГ.

Первая половина XIX века стала эпохой решающих перемен в развитии русской философской культуры и общественной мысли. Отечественная война 1812 года и Венский конгресс, которые возвели Россию на вершину внешнеполитического могущества, сыграли свою роль в формировании национальной традиции общественной мысли; все чаще можно было услышать высказывания типа «Девятнадцатый век принадлежит России». Пытливые умы поневоле задумывались: означает ли это, что Россия призвана внести в жизнь человечества некие новые начала?

Теоретический базис для поиска ответа на этот вопрос был обеспечен созданием в России системы высшего образования и знакомством образованной элиты с произведениями ведущих европейских философов. Во второй четверти XIX в. русская мысль развивалась под сильным влиянием шеллингианства и гегельянства. Труды Ф. Шеллинга и Г. Гегеля привлекали образованную российскую молодежь тем, что в основе их философских концепций лежал принцип всеобщего развития; что они позволяли осмыслить развитие природы и человеческого общества как логически связный, внутренне стройный, целенаправленный процесс. Г.В. Флоровский, характеризуя интеллектуальное развитие российского общества второй четверти XIX в., отмечал: «В тогдашнем поколении чувствуется именно некое неодолимое *влечение* к философии, какая-то философская *страсть* и *тяга*, точно магическое притяжение к философским темам и вопросам» (Флоровский, с. 235-236).

Переломным этапом в истории общественной мысли России обычно считают 1840-е годы, которые литературный критик П.В. Анненков охарактеризовал как «замечательное десятилетие»

(Берлин, с. 9-32). Зачастую исследователи говорят о «поколении сороковых годов» как о особом феномене русской жизни и мысли. В качестве типичных черт этого поколения обычно выделяют идеализм (часто используется определение «идеалисты сороковых годов»); интенсивную умственную работу, которая компенсировала недостаток общественной деятельности; романтически-сентиментальный психологический склад; острое и горькое ощущение невосребованности, невозможности реализации своего потенциала в рамках существовавших социальных отношений. Художественным отображением наиболее типичных и ярких психологических черт, присущих данному поколению, стала галерея образов «лишних людей» в русской литературе.

Ключевым событием интеллектуальной жизни 1840-х гг. обычно считается «великий раскол» русской мысли, ее размежевание на славянофилов и западников. И западники, и славянофилы были «людьми сороковых годов»; те и другие воплотили в себе типичные черты своего поколения. Различия между представителями этих двух направлений определялся тем, какие ответы они давали на вопросы о судьбе России, о ее месте в мире, о приемлемости для нашей страны европейского пути.

Прообразом будущего славянофильского течения было «Общество любомудров» (или «Общество любомудрия») в Москве, философский кружок, созданный в 1820-е гг. кн. В.Ф. Одоевским, поэтом Д.В. Веневитиновым, И.В. Киреевским, А.И. Кошелевым. Любомудры, самому старшему из которых в момент основания общества было 20 лет, увлекались учениями немецких мыслителей, особенно Шеллинга.

Идейным стимулом для размежевания западников и славянофилов стало появление в печати «Философического письма» Петра Яковлевича Чаадаева (опубликовано в 1836 г.), где утверждалось, что исторический путь России иной, чем путь Западной Европы, так

как дух православия иной, чем дух католичества и протестантизма. Чаадаев делал из этого пессимистические выводы об отсутствии в российском обществе идей «долга, справедливости, права и порядка», об обреченности его на вечный застой. Но предложенный им метод исторического мышления оказался плодотворным, а поменять отрицательные знаки на положительные для оппонентов Чаадаева не составило труда. Труднее было донести свои идеи до сведения современников: николаевская цензура была весьма суровой, Чаадаев после публикации «Философического письма» был официально объявлен сумасшедшим, и ареной для распространения новых идей становятся вначале светские салоны, и лишь затем – литературные журналы.

В 1839 г. А.С. Хомяков написал полемическую статью «О старом и новом»; она предназначалась не для печати, а для прочтения и обсуждения на одном из регулярно проводившихся вечеров у И.В. Киреевского. В этой статье Хомяков сформулировал несколько ключевых вопросов: верно ли, что «в старые годы [т.е. до петровских реформ – О.Л.] лучше было все в земле русской?»; «Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию?.. Много ли она утратила своих коренных начал, и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?» (Русская идея, с. 53, 55). На статью А.С. Хомякова последовал ответ И.В. Киреевского, также не предназначавшийся для публикации. В своей статье Киреевский сожалел о гибели допетровской России, которая, с его точки зрения, представляла собой самобытный мир «без самовластия и рабства, без благородных и подлых»; основой этого мира были «обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры», а «духовным сердцем России» были «святые монастыри», где «хранились все условия будущего самобытного просвещения» (Русская идея, с. 71-72).

Диалог между Хомяковым и Киреевским обычно считается отправной точкой развития славянофильства как особого течения русской мысли. Характерной особенностью славянофильства было романтическое отношение к допетровской Руси, в которой они видели воплощение своих общественных идеалов, и резко негативное восприятие реформ Петра I, когда, с их точки зрения, «Россия дает страшный крюк, кидает родную дорогу и примыкает к Западной» (Аксаков, с. 16).

Кульминация публицистической активности славянофилов приходится на конец 1830-х – начало 1850-х гг. Ареной нескончаемых споров между славянофилами и западниками были салоны Елагиных, Свербеевых, Павловых, дом Чаадаева; журнальная полемика с западниками велась на страницах журнала «Москвитянин», а также в «Московском Сборнике».

Признанными лидерами славянофилов были: Иван Васильевич Киреевский (1806 – 1856) – именно он сформулировал основные постулаты славянофильской философии истории и теории познания; Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860), кавалерийский офицер, поэт, публицист, философ и богослов, создатель концепции «соборности»; Константин Сергеевич Аксаков (1817 – 1860), публицист и филолог, предложивший политическую программу «монархии с земским собором». В кругу славянофилов были Петр Васильевич Киреевский – известный собиратель народных песен, Юрий Федорович Самарин – историк и политик, участвовавший в подготовке крестьянской реформы 1861 года, и другие. В 1860-1870-е гг., после смерти «старших славянофилов», лидером этого направления стал Иван Сергеевич Аксаков – автор внешнеполитической стратегии славянофильства, идеи создания на Балканах федерации славянских государств под протекторатом Российской империи, издатель газет «День», «Москва», «Москвич» и «Речь».

Основной мировоззренческий вопрос, который интересовал славянофилов – вопрос об отношениях России и Западной Европы. Киреевский считал, что Западная Европа представляет собой особую цивилизацию, ключевыми особенностями которой являются индивидуализм, рационализм и формально-правовые отношения между индивидуумами. «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность» (Русская идея, с. 68). С точки зрения Киреевского, эти особенности унаследованы европейской цивилизацией от Древнего Рима; римское право представляет собой искусственное средство для поддержания внешнего единства и порядка в обществе, предотвращения «войны всех против всех»; свобода западного человека носит чисто внешний, формальный характер, и необходима лишь для защиты частной собственности.

Главную причину отличий России от Западной Европы Киреевский видел в том, что Россия не получила античного наследия, что ей осталось неизвестно римское право; мыслитель расценивал это не как «отсталость», а скорее как историческое преимущество России. В допетровской России, считал он, были развиты коллективизм («человек принадлежал миру, мир ему»), религиозность, «внутренняя правда» – верность неписаным обычаям и традициям. Таким образом, философия истории Киреевского строится на противопоставлении двух типов общества: искусственно организованного при помощи формального права – и органически выросшего на основе морально-нравственной общности.

Если Киреевский истоки фундаментального различия России и Европы видел в античном наследии и римском праве, то «светский богослов» А.С. Хомяков искал причины этого в религиозной сфере, в изначальном конфликте между православием и католичеством.

Основой его религиозных взглядов было убеждение в превосходстве православия над остальными христианскими вероисповеданиями: католичество, считал он, руководствуется не принципом духовной свободы, а принципом материальной власти, воплощенным в фигуре папы римского. Протестантизм же слишком рационалистичен, от него ведет прямая дорога к атеизму. Православная же Церковь – это не просто сообщество, а «единство органическое, живое начало которой есть Божественная благодать взаимной любви» (Хомяков, с. 88).

Свободное единство членов Церкви Хомяков обозначает термином *соборность* – ключевым понятием всей философии славянофилов. Соборность представляет собой единство в многообразии, не подавляющее индивидуальных особенностей каждого. «Свободное единство», с его точки зрения, присуще только православию; католичество же представляет собой «единство без свободы», а протестантизм – «свободу без единства» (Там же).

К.С. Аксаков продолжил и развил теорию Киреевского и Хомякова в сфере политической теории: он построил свою концепцию на противопоставлении «внутренней» и «внешней» правды. «Внешняя правда», согласно Аксакову, представляет собой формальное право, которое держится лишь на жестких санкциях закона и государства, это «путь не совести, а принудительного закона»; «внутренняя правда» – моральное согласие, основанное на общности ценностей, религии, традиций, обычаев. Если на Западе восторжествовала «внешняя правда», то для русского человека, по мнению К.С. Аксакова, правда жизни состоит именно в том, чтобы жить согласно неписаным обычаям (религиозным по своему происхождению), и чтобы в эту, моральную сферу, государство было не вправе вмешиваться. Идею, что русские стремятся не к политической свободе, а к свободе от политики, К.С. Аксаков выразил в знаменитой формуле: «русский народ государствовать не хочет!».

По К.С. Аксакову, идеал российского общественного устройства в допетровские времена был основан на разграничении сфер влияния «земли» и «государства»: «земля» представляла собой совокупность самоуправляющихся общин и земств, живущих согласно «обычному праву», а «государство» – самодержавную монархию с совещательным Земским собором. Аксаков считал возможным возвращение к этой модели в XIX в., после отмены крепостного права: в случае необходимости цари, как в допетровские времена, могут созывать Земский собор, чтобы выслушать мнение «земли» о делах государства, но право окончательного решения должно оставаться за государем: «сила *власти* – царю, сила *мнения* – народу». Отношения между властью и народом, по Аксакову, должны строиться исключительно на моральных узах, без каких бы то ни было конституционных, законодательных гарантий. «Гарантия не нужна! – писал Аксаков. – ...Что значат условия и договоры, как сколько нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желания. Вся сила в нравственном убеждении» (Аксаков, с. 18).

Все славянофилы считали необходимой отмену крепостного права и провозглашение свободы совести; они были убеждены, что без этих шагов невозможен переход к обществу, основанному на нравственном согласии. Славянофилы высоко ставили крестьянскую общину, считая ее воплощением духа коллективизма, соборности, свойственного русскому народу. Глубоким пороком современного им общества они считали культурную пропасть между «публикой» (образованным обществом, высшими классами) и «простым народом», возникшую вследствие петровских реформ.

Таким образом, в истории русской мысли XIX столетия славянофильство было первой попыткой отыскать особую, свойственную русскому народу систему ценностей, и сформулировать на ее основе принципы, на которых могли бы в современной им России

строиться государственность, культура, образование. Обновление российского общества, с точки зрения славянофилов, должно быть основано на идее «особого пути» России – и понимании православия как стержня русской культуры. «Типически русское» для них было тождественно «истинно христианскому», «истинно православному»; идентичность русского человека, согласно славянофильской доктрине, прежде всего должна быть связана с православной верой, и лишь затем – с верностью национальным традициям и обычаям.

Благодаря своей многогранности славянофильство сыграло в истории русской мысли особую роль: оно стоит у истоков многих ее направлений, непохожих друг на друга. Славянофильские мотивы будут потом слышаться в наследии «почвенников» и народников, консерваторов и религиозных философов начала XX века: одни унаследуют от славянофильства веру в особый религиозный характер русского народа, другие – надежду на переход к лучшему будущему на основе общинного мироустройства, третьи – убеждение в скором крушении западноевропейской цивилизации. Но всех их будет объединять убеждение в том, что у России свой, уникальный исторический путь, и что в будущем ей предстоит сыграть в истории человечества некую важную роль.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные тенденции развития русской мысли во второй четверти XIX в.
2. Какое содержание вкладывали исследователи в понятия «поколение сороковых годов», «люди сороковых годов»?
3. Какие события в интеллектуальной жизни России конца 1830-х гг. можно считать отправной точкой формирования славянофильства?

4. В чем, согласно И.В. Киреевскому, состояли различия исторического пути России и Европы?

5. Раскройте основное содержание учения А.С. Хомякова о соборности.

6. В чем К.С. Аксаков видел различия между «внешним правом» и «внутренней правдой»?

7. Какие взаимоотношения, согласно К.С. Аксакову, существовали между «землей» и «государством» на протяжении русской истории?

Творческое задание (эссе).

Идея «особого пути» России в наследии славянофилов.

Составьте конспект одной из работ И.В. Киреевского («В ответ А.С. Хомякову»; «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») или К.С. Аксакова («Об основных началах русской истории», «Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева»). Выделите основные идеи выбранной Вами работы.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Когда была написана данная работа? Что стало поводом к ее написанию? Когда и где она была впервые опубликована?

2. Освещается ли в данной работе идея «особого пути» России? Если да – определите, в чем видит автор специфику исторического пути России; различия между культурой России и Западной Европы; различия между культурой допетровской Руси и современной ему России XIX в.

3. Затрагивается ли в данной работе религиозно-философская проблематика? Если да, то какие особенности православной религиозности выделяет автор?

4. На каких узловых событиях российской истории автор останавливается особенно подробно? Как он характеризует их историческое значение?

5. Затрагивается ли в данной работе тема социокультурного раскола между образованным обществом и «простым народом»? Если да, то предлагает ли автор какие-либо способы преодоления этого раскола?

6. Говорит ли автор о том, какими он хотел бы видеть российское общество или русскую культуру в будущем?

2. ЗАПАДНИЧЕСТВО В РУССКОЙ МЫСЛИ 1830-1850-Х ГГ.

Западничество и славянофильство одновременно заявили о себе в истории российской общественной мысли; они формировались в «диалоговом режиме», в ходе непрерывной полемики друг с другом. Современники и потомки воспринимали представителей этих течений как постоянных и неутомимых оппонентов, «заключенных друзей» или «закадычных врагов». Их идеи в неразрывном единстве сформировали мировоззренческий климат «замечательного десятилетия»; как писал А.И. Герцен, «мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» (Герцен, т. 9, с. 170).

Как и славянофильство, западничество выросло из московских студенческих кружков 1830-х гг., членов которых объединял интерес к западноевропейской философской и общественно-политической литературе. Среди них следует назвать «Литературное общество 16-го нумера», созданное В.Г. Белинским; кружок А.И. Герцена и Н.П. Огарева; кружок Н.В. Станкевича. В конце 1830-х гг. сложился также «кружок молодой профессуры» Московского университета; в него входили историки Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, которых объединял опыт учебы в зарубежных университетах и интерес к философии Гегеля.

Импульсом для рождения западничества как особого направления общественной мысли стали литературные дебаты со славянофилами, начавшиеся с 1841 г. В составе этого направления выделяют два основных кружка: петербургский, объединявшийся вокруг В.Г. Белинского и журналов «Отечественные записки» и «Современник», – и московский, лидерами которого были Т.Н. Грановский и А.И. Герцен. В состав этих кружков входили К.Д. Кавелин, В.П. Боткин, Н.П. Огарев, П.В. Анненков, И.С. Тургенев, М.Н. Кат-

ков и другие; по оценке современного исследователя, то была «небольшая группа высокообразованных интеллигентов, которых даже нельзя назвать единомышленниками, но которых объединяло нечто важное: проевропейское и просветительское умонастроение, гегелевская философская выучка, либеральный и секулярный гуманизм» (Щукин, с. 131).

Как и славянофилы, западники обращались к своим современникам через литературные журналы, чаще всего – в жанре литературной критики; средством распространения их идей могли быть и «письма», предназначенные не для частного чтения, а для публичного распространения. Представители западнического течения обладали также возможностью излагать свои идеи с университетской кафедры.

После 1845 г. происходит размежевание западников на два крыла: «либералов», во главе с Т.Н. Грановским, и «радикальных демократов», лидерами которых были А.И. Герцен, Н.П. Огарев и В.Г. Белинский (Олейников, с. 6). Прежде всего, Грановский, Герцен и Белинский решительно разошлись друг с другом в оценке событий Великой Французской революции и перспектив будущего развития Европы и России: Герцен, Огарев и Белинский романтизировали революцию, Грановский же отстаивал либерально-реформаторский сценарий развития. Кроме того, разрыв между прежними единомышленниками произошел по вопросу о Боге и бессмертии души: Герцен и Белинский перешли на позиции последовательного атеизма, Грановский же признавал, что не может отвергнуть свои религиозные убеждения (Герцен, т. 9, с. 209-212).

Финальной точкой в существовании классического западничества исследователи считают 1848 год – начало так называемого «мрачного семилетия», когда правительство Николая I под влиянием революционных событий в Европе начало проводить политику превентивного подавления любой «внутренней крамолы». К

этому времени западничество лишилось двух своих видных лидеров: с 1847 г. находился за границей А.И. Герцен, а в 1848 г. умер от туберкулеза В.Г. Белинский. «Когда Белинского не стало, идейное единство распалось... Западничество в его классической форме стало достоянием истории». (Щукин, с. 177).

Внутреннее разнообразие западничества становится очевидным, если обратиться к изучению воззрений его отдельных представителей: каждый предлагал собственное решение вопросов, тревоживших умы российского образованного общества.

Первым выразителем западнической идеологии обычно считают Петра Яковлевича Чаадаева (1793-1856). Выпускник Московского университета, гусар, участник Бородинского сражения, Чаадаев был старшим другом А.С. Пушкина и «декабристом без декабря»: он состоял в Северном обществе, но во время восстания на Сенатской площади находился в заграничной поездке. В 1830-е – начале 1850-х гг. Чаадаев жил в Москве, был неизменным участником литературных и общественных споров.

В 1836 году в московском журнале «Телескоп» было напечатано «Философическое письмо» Чаадаева, содержавшее глубоко пессимистическую оценку ситуации в России: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя... Это естественное последствие культуры, всецело подражательной и заимствованной». Беда России, с точки зрения Чаадаева, состояла в том, что на заре своей истории «за нравственным учением» она обратилась не к Риму, а «к растленной Византии», и поэтому оказалась в стороне от исторического прогресса, от «умственного движения» Средневековья и Возрождения: «когда..., освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжкому...» (Чаадаев, с. 321-322). Выход для России Чаадаев видел в

том, чтобы «вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода»: оживить свою религиозную веру, поскольку на Западе «все создано христианством», и усвоить «социальную идею христианства» – идеи «долга, справедливости, права и порядка» (Чаадаев, с. 325-327, 334). Письмо вызвало острую реакцию властей: Чаадаев был по высочайшему повелению объявлен сумасшедшим, журнал «Телескоп» был закрыт, его издатель Н.И. Надеждин – сослан.

Особенность исторической концепции Чаадаева состояла в том, что это был опыт оправдания всемирно-исторического прогресса с христианских позиций. Он воспринимал христианство как религию, задача которой – объединить человечество и привести его к некоему «совершенному строю», к Царству Божьему на земле. Поэтому он максимально остро ставил вопрос о «выпадении» России из всемирно-исторического процесса – и о возможности для нее заново «связать порванную нить родства».

В работе «Апология сумасшедшего», написанной в 1837 году, по горячим следам «телескопской истории», Чаадаев отвечал на упреки тех, кто обвинял его в отсутствии патриотизма. Возвращаясь к теме исторической судьбы России, Чаадаев выдвинул концепцию «преимуществ отсталости»: «Я полагаю, – писал он, – что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество»; «прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас», – заключал он (Чаадаев, с. 533-535).

Идея единства путей исторического развития человечества была важна и для других представителей западничества.

Тимофей Николаевич Грановский (1813-1855) был профессиональным историком: получил высшее образование в Петербургском

университете, по его окончании побывал в длительной заграничной командировке в Берлине, Праге и Вене, занимался в Берлинском университете у выдающихся немецких историков – Л. фон Ранке, Ф. Савиньи. Возвратившись в Россию, Грановский занял кафедру всеобщей истории в Московском университете и стал активным участником кружка «молодых профессоров». Яркой общественной акцией Грановского стали публичные курсы лекций по истории Западной Европы, прочитанные им в 1843/44 и 1845/46 учебных годах и имевшие огромный общественный резонанс.

Центральной идеей научного творчества Грановского была идея всеобщей истории, которая «должна быть рассказана как история одного человека», «должна проследить прогресс рода человеческого» (Грановский, с. 302, 313-314). По мнению Грановского, особенно важно для историка изучение переходных эпох человеческой истории: здесь можно «услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей», «подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле» (Грановский, с. 315). Такой переходной эпохой, с его точки зрения, был период падения Римской империи, когда уходил в прошлое «мир классический, греко-римский», а на смену ему шла «средневековая Европа», «Европа феодально-католическая». Феодализм, по мнению Грановского, «есть форма необходимая, через которую проходит всякий народ»; но он уже «отслужил свою службу человечеству», и с XV-XVI вв. ведет отсчет новая переходная эпоха в истории человечества: «переход от средней истории к новой, еще нам не известной» (Грановский, с. 241-242). По мнению ученого, современное ему общество переживает переход на стадию «свободного развития», идеалы которого выразил знаменитый лозунг Великой Французской революции: «свобода, равенство, братство»; вершиной прогресса, по Грановскому, должно стать формирование не-

зависимой личности и такого общества, которое максимально благоприятствовало бы ее развитию. Современники, слушавшие лекции Грановского, извлекали из этого актуальные выводы: Россия, как и другие европейские страны, вовлечена в переход к новому историческому порядку; «мы стоим на пороге Европы, наблюдателями, и притом не праздными; движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример...» (Грановский, с. 240-242). Как можно заключить, Грановский строил свою концепцию всеобщей истории на основе идеи об общих стадиях социального развития, через которые проходят все европейские страны.

Если Т.Н. Грановский сумел пробудить интерес образованного общества к изучению и осмыслению всеобщей истории, то Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848) сыграл аналогичную роль в отношении литературы. Он приобрел известность как ведущий литературный критик своего времени; в 1830-е гг. работал в журнале «Телескоп» и «Московский наблюдатель», с 1839 г., после переезда в Петербург, возглавлял критический отдел журнала «Отечественные записки»; наконец, в последние годы жизни – 1846-1848 гг. – работал в журнале «Современник», издателями которого были Н.А. Некрасов и И.И. Панаев.

Критические статьи Белинского выходили за рамки чисто литературоведческих задач: он рассматривал литературу как мощное средство воспитания общества, формирования общественного самосознания. В статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846) он писал, что именно любовь к литературе помогает сгладить социальную рознь, уничтожает «дух разъединения» между «представителями разных классов», и тем самым создает из разрозненных и чуждых друг другу людей общество (Белинский, т. 8, с. 34-40). Белинский первым отметил, что в России появилось «нечто вроде особенного класса в обществе, который состоит... из людей всех

сословий, сблизившихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви к литературе» (Белинский, т. 8, с. 36) (речь, конечно же, шла об интеллигенции – но в 1840-е гг. сам этот термин еще не вошел в русский язык).

Как полагал Белинский, русская литература еще очень молода, ее история насчитывает менее полутора веков; в пору зрелости она вступила, по мнению критика, только начиная с эпохи Пушкина. Показателем зрелости он считал поворот русской литературы «к русской жизни, к русской действительности» и к реализму как художественному стилю, то есть к сочетанию «правдивости» и «простоты». Именно это давало Белинскому надежду – в равной степени важную и для славянофилов, и для западников, – что «в будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль» (Белинский, т. 8, с. 45).

Формирование убеждений Белинского шло сложным путем: в юности он был отчислен из университета за попытку опубликовать антикрепостническую пьесу, затем пережил период «примирения с действительностью», опубликовав несколько верноподданнических статей, затем увлекся идеями французских социалистов, мечтая о времени, когда «не будет богатых, не будет бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут люди», даже если для этого понадобится «насильно вести [людей] к счастью» (Белинский, т. 9, с. 478-486). В последние годы жизни он пришел к убеждению, что России нужно прежде всего «пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя тех законов, которые уже есть» (Белинский, т. 8, с. 282). Главную заслугу Белинского современники видели в том,

что он с помощью литературной критики способствовал формированию убеждений молодежи 1840-х гг.

Александр Иванович Герцен (1812-1870) занимает особое место в истории общественной мысли России: его наследие выступает связующим звеном между поколением «идеалистов 1840-х годов», славянофилов и западников, с одной стороны, – и, с другой стороны, поколением 1860-1870-х, генерацией общественных деятелей эпохи Великих реформ.

Герцен оказался первым российским мыслителем, поднявшим в своих работах тему классовой борьбы буржуазии и пролетариата. Переехав в Европу в 1847 г., воочию увидев Июньскую революцию 1848 г. во Франции и ее кровавое подавление, он пришел к выводу, что это было лишь предвестие дальнейшей борьбы. Герцен был убежден, что в ходе этой борьбы обречена погибнуть вся современная ему европейская цивилизация, основанная на принципах римского права, христианства, социальной иерархии, – поскольку эта цивилизация непонятна, чужда и враждебна пролетариату, потому что она ему «ничего не дала, кроме слез, нужды, невежества и угнетения». Поэтому новый мир будет построен с чистого листа: «Пролетариат будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест – явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры» (Герцен, т. 5, с. 216-217).

Испытывая горький пессимизм в отношении грядущей судьбы европейской цивилизации, Герцен надеялся, что Россия еще может избежать этой участи. Вслед за немецким ученым-аграрием Гакстгаузеном, Герцен высказывает идею, что русская сельская община с ее коллективным владением землей содержит в себе «ключ к прошлому России и зародыш ее будущего». Благодаря существованию общины, в которой на практике воплощены идеи всеобщего равенства, демократизма и социальной защиты (каждый член общины

имеет право потребовать себе земельный надел и тем самым обеспечить свое существование), Россия может избежать расслоения общества на пролетариат и буржуазию – и перейти к социализму напрямую, минуя капитализм. «Я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития», – уверенно заключал Герцен; он не верил в неизбежный исторический прогресс, но верил во «внутреннюю, не вполне сознающую себя силу» русского народа (Герцен, т. 6, с. 199-200, 205).

С 1855 г. наступает кульминация общественной деятельности Герцена. Он основал «Вольную русскую типографию» в Лондоне, где начал издавать литературный альманах «Полярная звезда», журнал «Голоса из России», и, наконец, знаменитую газету «Колокол», оперативно откликаясь на все злободневные политические события в России. Герценовские издания, распространявшиеся в России, впервые в истории отечественной печати создали бесцензурную «площадку» для обсуждения насущных социальных проблем и подготовили общественное мнение к отмене крепостного права. Однако с момента освобождения крестьян влияние этих изданий постепенно пошло на убыль, а, поддержав Польское восстание 1863 г., Герцен утратил свой авторитет в глазах значительной части образованного российского общества.

В творчестве Герцена соединились традиции славянофильства и западничества: с западниками его роднил светский характер мировоззрения, идея самоценности личности и человеческого достоинства; со славянофилами – представления об уникальности социального уклада русского народа и надежда на особую роль, которую предстоит сыграть России во всемирной истории. Концепция особого пути России к социализму, сформулированная Герценом в 1850-е годы, стала ключевым тезисом нового направления общественной мысли – народничества, идеологии русской революционной интеллигенции пореформенного периода.

Таким образом, западничество было весьма пестрым течением: в его рядах были и социалисты, и либералы, и религиозные мыслители, и убежденные атеисты... Как определить тот общий комплекс идей, который связывал западников воедино при всех различиях их мировоззрений? Современные исследователи считают, что стержнем мировоззрения западников была идея свободы и достоинства человеческой личности; именно это и отличало их от славянофилов, мечтавших о растворении личности в «соборности» или «общинности» (Щукин, с. 115, 135-146, Олейников, с. 43; Левандовский, с. 135-157). Вокруг этого стержня группировались все прочие элементы западнического мировоззрения – рационализм, ценности науки и просвещения, светской культуры, идея прогресса, движения России и Европы к общему идеалу цивилизованного общества.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные кружки и объединения, на базе которых сформировалось западничество. Какие течения выделяют исследователи в рамках западничества?
2. На какие принципы опиралась предложенная П.Я. Чаадаевым концепция всемирно-исторического прогресса? Как он мыслил место России в этом процессе?
3. В чем, согласно Т.Н. Грановскому, состоит задача изучения всеобщей истории? Какие стадии развития европейского общества выделял он в своих трудах?
4. Как виделись В.Г. Белинскому социальные задачи литературы? Какую роль, с его точки зрения, должна играть литература в формировании национального самосознания?
5. Охарактеризуйте основные этапы эволюции социально-философских воззрений А.И. Герцена.

Творческое задание (эссе).
Восприятие западниками истории России

Составьте конспект работ П.Я. Чаадаева «Философические письма. Письмо первое» и «Апология сумасшедшего», или же работы В.Г. Белинского «Россия до Петра Великого», или статьи А.И. Герцена «Россия». Выделите основные идеи данных работ.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Когда была написана данная работа? Что стало поводом к ее написанию? Когда и где она была впервые опубликована?

2. Освещается ли в данной работе идея «особого пути» России? Если да – определите, в чем видит автор специфику исторического пути России; различия между культурой России и Западной Европы; различия между культурой допетровской Руси и современной ему России XIX в.

3. Затрагивается ли в данной работе религиозно-философская проблематика? Если да, какие особенности православной религиозности выделяет автор? Как оценивает их историческую роль?

4. На каких узловых событиях российской истории автор останавливается особенно подробно? Как он характеризует их историческое значение?

5. Затрагивается ли в данной работе тема социокультурного раскола между образованным обществом и «простым народом»? Если да, то предлагает ли автор какие-либо способы преодоления этого раскола?

6. Говорит ли автор о том, какими он хотел бы видеть российское общество или русскую культуру в будущем?

3. ЛИБЕРАЛИЗМ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Эпоха Великих реформ – конец 1850-х – начало 1880-х гг. – стала переломным этапом в социально-экономической и политической истории России. Комплекс реформ, важнейшей из которых была отмена крепостного права, открыл дорогу для форсированного развития капитализма в России; введение земского и городского самоуправления означало отступление от бюрократической монополии на власть; судебная и военная реформы стали первыми шагами на пути от сословного общества к равенству граждан перед законом.

Изменились и условия, в которых развивалось общественное мнение. В николаевскую эпоху – 1830-1840-е годы – оппозиция была лишена какой бы то ни было возможности реализовать свои идеи на практике; диспуты славянофилов и западников не выходили за пределы литературных журналов и светских салонов. Теперь же, на рубеже 1850-1860-х годов, власть сама обратилась к общественной инициативе; процесс подготовки реформ шел в обстановке невиданной по тем временам гласности и открытости. «Общественная мысль» уже на заре Великих реформ превращается в «общественное движение».

Одним из ведущих течений российской общественной мысли в годы подготовки крестьянской реформы становится либерализм.

Под либерализмом обычно понимают социально-политическое движение, возникшее в странах Западной Европы в период кризиса «старого порядка» – сословно-дворянских и абсолютных монархий. Основу доктрины либерализма составляет убеждение, что в основе общественного и государственного устройства должны лежать права и свободы личности, что все члены общества должны быть наделены равными правами и не могут подвергаться дискриминации из-за своего происхождения. Важнейшие естественные права

человека, согласно этой доктрине, – право на жизнь, неприкосновенность личности и собственности; свобода слова и союзов; избирательное право, дающее возможность участвовать в формировании законодательства и правительства своей страны и т.д. В политической сфере гарантией соблюдения прав человека, согласно доктрине классического либерализма, должны быть конституционализм, принцип верховенства закона (а не воли монарха), разделение властей и ответственность правительства. В экономической сфере либералы отстаивали свободное развитие рынка при невмешательстве государства (в отличие от неолиберализма, появившегося в XX в. и вобравшего в себя некоторые социалистические идеи) (Леонтович, с. 1-24).

Российский либерализм зародился в конце XVIII в., в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II; вехами его развития были реформаторские проекты времен Александра I (проекты Негласного комитета, М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева), планы декабристов (например, «Конституция» Н.А. Муравьева). Идеи либерализма звучали в Царскосельском лицее на уроках правоведа А.П. Куницына, и с университетских кафедр, в лекциях профессоров «поколения 1840-х годов» Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, П.Г. Редкина.

Временем расцвета либерализма в России стала эпоха Великих Реформ. На рубеже 1850-1860-х гг. в правительство Александра II приходит генерация так называемых «либеральных бюрократов» – молодых, энергичных, просвещенных государственных деятелей, способных выдвигать масштабные реформаторские проекты и добиваться их реализации. К либеральным бюрократам относят Н.А. и Д.А. Милютиных (Николай Алексеевич был товарищем министра внутренних дел, одним из руководителей разработки проекта крестьянской реформы 1861 г., его брат Дмитрий Алексеевич – военным министром); министра просвещения А.В. Головнина, министра

финансов М.Х. Рейтерна, министра юстиции Д.Н. Замятнина, авторов проекта судебной реформы Д.А. Оболенского, С.И. Зарудного; министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и других. Покровительствовал либеральным бюрократам родной брат императора – великий князь Константин Николаевич, глава Морского министерства и председатель Государственного Совета. Иногда современники называли либералом и самого императора Александра II. Мировоззрение либеральных бюрократов было двойственным по своему характеру. Они отстаивали принципы гласности, гражданских прав, строгого разделения властей, частичной децентрализации и демократизации управления, но при этом полагали, что инициатива общественного переустройства должна исходить исключительно от власти.

В эпоху Великих реформ в России возникла не только либеральная бюрократия, но и либеральная оппозиция. Главными теоретиками российского либерализма, сформулировавшими основные принципы его социально-политической доктрины, стали Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) и Борис Николаевич Чичерин (1828-1904). Оба они окончили Московский университет, были учениками Грановского, сочувствовали западникам, оба преподавали в Московском университете (Кавелин стал профессором кафедры истории русского законодательства, Чичерин – кафедры государственного права). Общей была и сфера их научных интересов – на стыке истории и юриспруденции. Вместе с великим российским историком Сергеем Михайловичем Соловьевым Кавелин и Чичерин прославились как основатели «государственной школы» в русской исторической науке.

Особенностью российского либерализма эпохи Великих реформ было то, что его ведущие идеологи – К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин – одновременно являлись профессиональными историками и

правоведами; их общественно-политические воззрения были тесно связаны с научными убеждениями.

В работе «Курс государственной науки» Чичерин подробно рассматривал достоинства и недостатки разных форм государственного устройства. С его точки зрения, абсолютизм свидетельствует о неспособности общества к самоуправлению и потому может быть лишь временным средством для спасения общества от внешней опасности или ожесточенной внутренней борьбы. Аристократия прекрасна как идея правления «лучших людей или способнейших членов общества», но, «как же скоро образование и достаток развиваются и в других классах, так последние естественно требуют участия в правлении, а это рано или поздно ведет к падению аристократии». Идея демократии тоже хороша сама по себе, так как «участием всех в совокупном решении устанавливается владычество общего интереса, а это и составляет высшую цель государства»; но при всеобщем избирательном праве «качество неизбежно приносится в жертву количеству», и государственный строй становится «добычей политиканов, для которых общественная деятельность служит орудием наживы» (Цит. по: Зорькин, с. 57-75). Таким образом, по убеждению Чичерина, «нет ничего гибельнее для практики, как теория односторонняя и недостаточная, какова бы она ни была, – охранительная, либеральная, демократическая» (Чичерин, с. 39); требуется разумное сочетание всех этих начал.

Идеалом для Чичерина была конституционная монархия с двухпалатным парламентом, где верхняя палата формировалась бы на основе аристократического принципа, а нижняя – на основе всеобщего избирательного права. Эта система, считал он, позволила бы взять все лучшее от всех возможных способов правления, избежав при этом нежелательных крайностей. К тому же она соответствовала бы историческим традициям России, где монархическая власть

издавна играла ведущую роль в жизни страны и была символом общественного единства. Но, с его точки зрения, прежде чем Россия перейдет к конституционной монархии, в российском обществе должны сложиться необходимые для этого предпосылки, - подобно тому, как эти предпосылки век за веком формировались в западно-европейском обществе.

Конституционные планы и Чичерин, и Кавелин в начале 1860-х гг. считали явно преждевременными, доказывая, что на тот момент в стране еще не было нужных элементов для введения представительного строя и его правильного функционирования. Как писал Кавелин, преобладание дворян в российском парламенте привело бы к непредсказуемым последствиям вплоть до реставрации крепостного права, а введение всеобщего избирательного права означало бы, что судьбу страны будут решать «безграмотные, большей частью бедные, неразвитые массы, лишь со вчерашнего дня вышедшие из рабства» (Кавелин, 146-157). В свою очередь, Чичерин полагал, что условия для развития русского парламентаризма возникнут лишь с появлением в России «среднего сословия, образованного, богатого и нравственно, и материально» (Чичерин, с. 92-93).

Провести российское общество «между Сциллой революции и Харибдой реакции» могла бы, считал Чичерин, только программа «консервативного», или даже «охранительного либерализма», которую можно предельно кратко сформулировать так: «либеральные меры и сильная власть» (Чичерин, с. 197, 200). Согласно Чичерину, России в равной степени нужны либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельность, обеспечивающие права и свободы граждан, – и сильная власть, «которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархистских страстей и против воплей реакционных партий» (Чичерин, с. 200).

В своей политической программе идеологи российского либерализма возлагали надежды на реформы местного самоуправления,

которые смогут пробудить общественную активность и направить ее на созидательную деятельность. Дееспособное местное самоуправление, с их точки зрения, позволит решить несколько насущных задач: организует работу на благо народа, даст выход политической энергии дворянства, станет школой политической жизни для всех сословий и научит их взаимодействовать друг с другом (Кавелин, 146-157). Только через 10-15 лет после создания местного самоуправления, полагали они, настанет пора задуматься о введении представительного правления в масштабах всей России.

Эта идея в значительной степени была реализована в 1864-1870 гг., когда было создано земское и городское самоуправление, основанное на принципах всесословности, имущественного избирательного ценза и самообложения. Как показала практика, земства стали важнейшим социальным институтом в российской провинции. Депутаты земств считали своей общественной миссией защиту не узко понятых сословных интересов, а интересов всех слоев местного населения. Создание системы земских начальных школ и земской медицины – то есть бесплатного медицинского обслуживания и образования, а затем агрономической и ветеринарной службы стало первым опытом осуществления в России социальных программ, направленных на поддержку крестьянства (Пирумова; Лейкина-Свирская). В конце 1870-х гг. состоялось и политическое пробуждение земств: после окончания русско-турецкой войны несколько губернских земств обратились к Александру II с приветственными адресами, где, в числе прочего, просили императора завершить земскую реформу и «увенчать ее здание» – созвать, в дополнение к уездным и губернским земствам, всероссийское земское собрание, которое было бы наделено законодательной или хотя бы законосовещательной властью. Эта общественная инициатива означала, что в российской политической жизни возникло новое течение – зем-

ский либерализм; его лидерами стали И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, Д.Н. Шипов и другие; в начале XX в. земские либеральные кружки стали основой партий кадетов и октябристов.

Как можно заключить, версия либерализма, созданная в России в период Великих Реформ, достаточно сильно отличалась от европейского либерализма. Взамен идеи гражданского равенства российские либералы отстаивали идею сословности, сотрудничества сословий; взамен идеи представительного правления в масштабах страны – идею местного самоуправления; взамен идеи «свободы рук» в экономике предлагали практику социальной защиты широких слоев населения; а лозунг «либеральные меры и сильная власть» выражал их надежду на сотрудничество с правительством.

После гибели Александра II от рук революционеров-террористов и восшествия на престол его преемника Александра III либеральные круги утратили какое-либо влияние на правительственный курс. В этих условиях выбранный теоретиками либерализма курс – провести российское общество по среднему пути «между Сциллой революции и Харибдой реакции» – оказался утопичным и привел их к неизбежной потере популярности. Как писал в своей фундаментальной работе «Русская идея» философ-эмигрант Н.А. Бердяев, «русский пафос свободы был скорее связан с принципиальным анархизмом, чем с либерализмом» (Бердяев, Русская идея, с. 171).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определение либерализма. Охарактеризуйте основные этапы развития либеральных идей в России с конца XVIII до начала XX в.

2. Какое содержание вкладывают исследователи в понятие «либеральной бюрократии»? Кого из политических деятелей эпохи Великих реформ относят к «либеральным бюрократам»?

3. В каких реформаторских проектах эпохи Александра II, на Ваш взгляд, проявились те или иные черты либеральной доктрины? Согласны ли Вы с тем, что реформы, проведенные в его правление, можно считать либеральными?

4. Каковы были политические взгляды Б.Н. Чичерина? Насколько достижимы, с его точки зрения, идеалы правового и социального равенства?

5. Выделите основные постулаты политической программы К.Д. Кавелина и Б.Д. Чичерина в эпоху Великих Реформ. Были ли воплощены их идеи на практике?

Творческое задание (эссе).
«Охранительный либерализм»

Составьте конспект работы Б.Н. Чичерина «Различные виды либерализма». Выделите ее основные идеи.

Ответьте на следующие вопросы:

1. В какой исторический период была написана данная статья?

2. Что понимал Б.Н. Чичерин под «уличным либерализмом», «оппозиционным либерализмом», «охранительным либерализмом»? В чем он видел отличительные черты каждого из этих видов либерализма? Как Вы считаете, какие течения общественной мысли России того времени он имел в виду в каждом из этих случаев?

3. Как Вы считаете, в каких социально-политических условиях либерализм становится охранительным течением, а в каких – оппозиционным?

Сделайте выводы о том, как оценивал Б.Н. Чичерин политическую ситуацию в современной ему России.

4. НИГИЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 1850-1860-Х ГОДОВ

Яркой чертой общественной жизни конца 1850-х – начала 1860-х годов стало знаменитое противостояние двух поколений – «отцов и детей». Общество, казалось, впервые столкнулось с проблемой социального отчуждения и культурного непонимания старшего и младшего поколений. После Крымской войны, на волне общественных перемен, в русскую жизнь пришло совершенно новое поколение; западничество и славянофильство стремительно уходили в прошлое вместе с породившей их николаевской эпохой; их заслонило новое общественное течение, приверженцы которого с легкой руки И.С. Тургенева получили броское название – «нигилисты». Термин «нигилист», образованный от латинского nihil, то есть «ничего», в его романе «Отцы и дети» расшифровывался следующим образом: «человек, который ничего не признает», «который ничего не уважает», «который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» (Тургенев, с. 139).

«Нигилисты» с гордостью подхватили это прозвище; сами они называли себя также «мыслящими реалистами», «новыми людьми». Они не скрывали неприязни к поколению «отцов», к его либеральным надеждам, к тому возвышенному культу искусства и философии, который царил в умах поколения 1840-х годов. В противовес «отцам», «дети» искали опоры в естественнонаучном знании. «Научного» отношения к миру они старались придерживаться и в политических вопросах, и в личной жизни, и при решении морально-этических проблем. Духовными вождями, идеологами этого направления были публицисты и литературные критики – Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев.

«Отцом-основателем» нигилизма был Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). Типичный разночинец, Чернышевский был сыном провинциального священника, окончил Петербургский университет, но, «провалившись» при защите магистерской диссертации по философии, был вынужден заняться журналистикой. Расцвет литературной и общественно-политической деятельности Чернышевского пришелся на годы его работы в журнале «Современник» (1856-1862). Для российской печати это было время «гласности», когда после разрешения на открытое обсуждение готовящейся крестьянской реформы пресса явочным порядком «отвоевывала» все больше свободы. Журнал в этот период достиг пика своей популярности; главным читателем «Современника», нетерпеливо ожидавшим каждого нового номера, было разночинное студенчество.

На заре подготовки Великих реформ, в 1856-1857 гг. Чернышевский выступал сторонником «общинного социализма» в духе А.И. Герцена. Комментируя и критикуя проекты реформы, ведя борьбу против либерального принципа частной собственности, за сохранение общинного землевладения, Чернышевский был уверен, что правительство примет во внимание эти советы. Он мечтал в те годы, что в России переход к социализму совершится раньше, чем на Западе: «История, как бабушка, страшно любит младших внучат» (Чернышевский, т. 4, с. 402).

Но когда в 1858 году были опубликованы материалы работы редакционных комиссий, и обществу стал известен огромный, непосильный для русского крестьянства размер выкупной суммы, Чернышевский горько разочаровался в правительстве и его намерениях. Теперь он возложил свои исторические надежды на народ. Чернышевский вынашивал идею крестьянской революции, которая, по его мысли, должна была стать стихийным ответом народа на грабительскую правительственную реформу. В романе «Что делать?» он завуалированно назвал даже точную дату будущей революции:

весна-лето 1865 года. Чернышевского принято считать автором «Письма русского человека», опубликованного в герценовском «Колоколе» и завершавшегося знаменитым лозунгом: «К топору зовите Русь!», – а также прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», содержащей призывы к всенародному мятежу (хотя у некоторых исследователей авторство Чернышевского в обоих случаях вызывает сомнения). Именно прокламация «Барским крестьянам» привела в 1862 году к аресту Чернышевского и к судебному процессу, итогом которого стала «гражданская казнь» Чернышевского и долгие годы сибирской каторги.

Главной задачей демократической общественности Чернышевский считал воспитание нового поколения молодежи, которое сумеет организовать жизнь России на новых началах.

Философским кредо Чернышевского и его последователей стал материализм и атеизм. Решение социальных проблем, как считал Чернышевский, может быть найдено, если смотреть на человека и на общество в целом как на биологический организм, как на «очень многосложную химическую комбинацию, находящуюся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью» (Чернышевский, т. 4, с. 260). Для нормального развития любого организма необходимо удовлетворение его потребностей; недостаток или избыток питательных веществ влекут за собой различные отклонения от нормы. То же самое происходит и в обществе в целом. Самые распространенные причины преступлений – материальная нужда и недостаток в пище; или, в противоположном случае – избыток материальных средств и полная праздность, заставляющие искать способы «искусственного возбуждения нервов». Следовательно, для нормального развития человечества, избавления от зла и пороков, необходимо прежде всего «заменить дурное хозяйство хорошим» – организовать труд и распределение на социалистических началах (Чернышевский, т. 1, с. 160-169).

Этика Чернышевского строилась на принципах утилитаризма. Человек, – настаивал мыслитель, – не добр и не зол по своей природе; он прежде всего эгоист. Любые человеческие поступки можно объяснить одним общим мотивом: расчетом, желанием получить пользу или удовольствие. При этом идеал человека для Чернышевского – *«разумный эгоист»*, умеющий отказаться от меньшей, узкоэгоистической пользы ради «большой выгоды»: блага окружающих, а в лучшем варианте – ради пользы всего общества. «На чьей стороне бывает в таких случаях теоретическая справедливость, решить очень нетрудно: общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного» (Чернышевский, т. 4, с. 284). Как видим, мысль Чернышевского делает интересный поворот: начав с посылки «каждый человек – эгоист», он в конце концов приводит своего читателя к мысли о необходимости альтруистического поведения ради общечеловеческих интересов.

Тот же критерий практической пользы Чернышевский применял по отношению к искусству. Главный тезис его диссертации гласил, что искусство не может выдержать сравнения с жизнью. «Прекрасное есть жизнь... Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности» (Чернышевский, т. 4, с. 11, 116). По Чернышевскому, искусство постоянно терпит неудачу, когда от него требуется подражание реальности; назначение искусства в другом – оно должно служить либо для образовательных целей, либо для целей воспитания, для создания наглядных примеров того, как следует решать различные нравственные дилеммы (Чернышевский, т. 4, с. 109-112, 117).

Политическим завещанием Чернышевского стал роман «Что делать?», написанный в одиночной камере Петропавловской крепости и ставший «символом веры» российской молодежи. Морально привлекательными выглядели центральные персонажи романа:

врач, инженер, учредительница кооперативной швейной мастерской, – честные труженики, профессионалы, сумевшие «подняться из грязных подвалов» и разумно организовать свою жизнь. Особую известность приобрела одна из финальных глав романа, «Четвертый сон Веры Павловны», где было представлено яркое описание светлого будущего человечества: коммуна в хрустальном дворце на лоне цветущей природы, царство коллективного труда, совместного досуга и свободной любви. Коммунистическая община будущего представляла в романе как возвращение человечества в потерянный рай, воплощенный на земле (Паперно, с. 177).

Идеи Чернышевского были подхвачены его младшими соратниками – Н.А. Добролюбовым и Д.И. Писаревым. Задачей «новых людей» стало освобождение общества от любых догм и традиций – социальных, религиозных, философских, моральных, – если они не выдерживают проверки на разумность, на соответствие законам разума. «Что можно разбить, то и нужно разбивать, – призывал Д.И. Писарев, – что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (История русской литературы, т. 3, с. 59). Власть традиции должна была смениться властью разума.

Николай Александрович Добролюбов (1836-1861) свои лучшие критические статьи опубликовал в «Современнике» в 1858-1861 гг. Главное требование к писателю, которое предъявлял Добролюбов, – *правда*, то есть беспристрастное воспроизведение явлений общественной жизни (Добролюбов, с. 296-297). Анализируя драмы Островского, он критиковал традиционный быт купеческой и мещанской Руси; рассматривая романы Тургенева и Гончарова, осуждал мечтательность и празднословие русского дворянства и либеральной интеллигенции.

Этика Добролюбова была более идеалистична, чем этика Чернышевского. «Темному царству» и «обломовщине» он противопоставлял огромные духовные силы естественной, здоровой природы

человека из народа. Носителем всего позитивного в жизни общества для Добролюбова была личность с развитым чувством собственного достоинства, способная восстать против «устоев». Выработку такого идеала у русского общества он считал целью своей литературно-критической работы.

Отметим, что «правду» нигилисты искали не в народе (как, например, славянофилы), а в среде «мыслящих реалистов», образованных профессионалах. Если Добролюбов был склонен верить в огромный духовный потенциал народа, то уже Писарев с горечью констатировал, что народ спит «богатырским сном», «народ с нами не говорит, и мы его не понимаем» (Писарев, 1989, с. 33). В одной из своих статей Писарев утверждал: «Надо действовать исключительно на образованные классы. Судьба народа решается не в народных школах, а в университетах». Символичным было название его статьи «Мыслящий пролетариат»: в русской жизни, считал Писарев, образованный класс способен сыграть такую же революционную роль, как пролетариат – в истории Западной Европы. Свою миссию он видел в том, чтобы сформировать «мыслящих руководителей народного труда» и создать для них «общие правила поведения», «программу чистой, святой жизни, уединенной от всякой общественной скверны» (История русской литературы, т. 3, с. 227).

Призывал российское общество к «экономии умственных сил», Писарев считал бесполезным «мартышкиным трудом» изучение гуманитарных наук, «не приносящих никому пользы»: философии, истории, правоведения. При этом он увлеченно занимался популяризацией наук естественных, чье назначение – «кормить, одевать, обувать и обмывать» людей; его перу принадлежат статьи о постановке учебного дела в средней и высшей школе, а также множество научно-популярных статей по самым разнообразным естественно-научным дисциплинам (Писарев, 1968, с. 228-230, 238, 249-250).

Писарев считал, что жизнь человечества полностью изменится лишь тогда, когда будут уничтожены главные причины всех человеческих несчастий: «невежество» и «присвоение чужого труда», когда «люди массы» поднимутся до сознательной жизни, а «умные люди» перестанут быть меньшинством (Писарев, 1968, с. 348, 392-396; Писарев, 1989, с. 133). Пока же этого не произошло, задача «мыслящих реалистов» – «осмысленный труд» ради «общечеловеческого благосостояния». «Они не боятся своего нынешнего одиночества, – писал критик о «новых людях». – Они знают, что истина с ними, они знают, что им следует покойною и твердою поступью идти вперед по избранному пути и что рано или поздно за ними пойдут все» (Писарев, 1968, с. 387).

Социальной средой, в которой идеологи нигилизма рассчитывали найти поддержку своим взглядам, была учащаяся молодежь. На рубеже 1850-1860-х годов происходит демократизация российской студенческой среды; на университетской скамье вчерашние разночинцы, семинаристы – бедные, лишенные хороших манер, но упорно постигающие науки – столкнулись со студентами-«барчуками», получающими образование ради общего развития или служебной карьеры. Социальное противостояние окончилось триумфом разночинцев-семинаристов: студенты-дворяне переняли их манеру держаться, говорить, одеваться, их отношение к миру и систему ценностей; в итоге в 1860-е годы сложился единый, совершенно особенный, узнаваемый тип русского студента. Сам слог Чернышевского, Добролюбова и Писарева, их склонность упрощать сложные философские и эстетические проблемы характеризуют стиль мышления той публики, к которой они обращались; невероятная популярность их произведений в студенческой среде доказывает, что интонация была найдена верно.

Идеологи «нигилизма» стали духовными вождями молодого поколения 1860-х годов. Все их советы, касающиеся разумного

устройства личной жизни, студенчество стремилось претворить в жизнь. В этот период сложилась своеобразная студенческая контркультура; ее приметами были создание студенческих коммун, этика решительного разрыва с семьями родителей, носителями «устаревшего» отношения к жизни; фиктивные браки с целью выволочь девушек из патриархальной семьи; особый дух студенческого братства; оппозиционность по отношению к правительству; легко вспыхивающие массовые студенческие волнения. Именно в 1860-1870-е годы в русском обществе начинается эмансипация женщины – девушки добиваются доступа к высшему образованию и профессиональной деятельности, курсистка становится такой же колоритной фигурой русской жизни, таким же легко узнаваемым типом, как и студент-разночинец.

Двойственная природа нигилизма – как социалистического учения и как молодежного движения, молодежной протестной культуры – является причиной того, что в историографии до сих пор не существует единодушной оценки этого феномена. Современная историография зачастую рассматривает нигилизм как социокультурное явление, субкультуру, присущую дореволюционной разночинной интеллигенции и позволявшую молодым разночинцам преодолеть комплекс неполноценности по отношению к элитарной дворянской культуре (Паперно; Живов). Формирование нигилистической культуры рассматривается как показатель важных социальных перемен в жизни России XIX в. – формирования нового социального слоя: профессиональной интеллигенции. Не случайно социальной базой нигилизма стало студенчество – группа, переходная по своему характеру, готовящаяся к квалифицированному умственному труду; не случайно важнейшей ценностью для «новых людей», «мыслящих реалистов» являлся *разум*; не случайно духовные вожди «шестидесятников» критиковали

«темное царство», бытовые устои дворянства и купечества – новому социальному слою нужны были новые стандарты, стереотипы и практики поведения.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В какой исторический период и под влиянием каких факторов в российской общественной мысли формируется нигилистическое течение?

2. Каково происхождение термина «нигилизм»? Какие характерные черты нигилистического мировоззрения обычно выделяются в исследовательской литературе?

3. Охарактеризуйте, в чем заключалось общественно-политическое мировоззрение Н.Г. Чернышевского.

4. В чем состояли основные принципы литературно-критической деятельности нигилистов?

5. Какие этические принципы, модели и стандарты поведения нигилисты предлагали своим современникам?

6. Что представлял собой нигилизм как социокультурное течение? Какие социальные группы были его питательной средой?

Творческое задание (эссе).

Этика «новых людей»

Составьте конспект работы Д.И. Писарева «Мыслящий пролетариат». Выделите ее основные идеи.

Ответьте на вопросы:

1. Откликом на какое литературное произведение является данная статья?

2. В каком значении Писарев использует термин «новые люди»?

3. В чем состоят, по Писареву, причины «всего зла, существующего в человеческих обществах»? Каковы, по его мнению, способы борьбы против зла?

4. Какую роль, согласно Писареву, в жизни «новых людей» играет труд? Какие виды труда подразумеваются в данной статье?

5. Какое содержание вкладывается Писаревым в понятие «эгоизм»? Принимает ли он доктрину «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского?

6. Какие практические советы Писарев дает своему читателю? Определите, представителям какой социальной группы могут быть адресованы эти советы.

5. НАРОДНИЧЕСТВО ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Под термином «народничество» в отечественной научной литературе обычно понимают радикально-демократическое движение, сформировавшееся в России в 1860-1870-х гг. Идейной базой народничества была теория «русского социализма»; ее также называют «общинным» или «крестьянским» социализмом.

Социалистические учения – представления о строе всеобщего равенства, где существует общность имущества, высшими ценностями являются коллективизм, взаимопомощь, созидательный труд ради общего блага, – известны человечеству с древнейших времен. В XIX в. социализм превращается во влиятельное политическое движение, антикапиталистическое по своей направленности; крупнейшие теоретики социализма – Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, К. Маркс и Ф. Энгельс – были убеждены, что только путем перехода к общественной собственности и общественному производству можно ликвидировать социальную несправедливость современного общества.

В России социалистические идеи также волновали умы уже давно. Так, «Русская Правда» П.И. Пестеля содержала утверждение, что принципы частной и общественной собственности равно имеют право на жизнь. В 1840-е годы и В.Г. Белинский, и славянофилы верили в то, что социалистическая доктрина обновит европейский мир. Приверженцами социалистических учений были члены кружка М.В. Петрашевского, в том числе молодой Ф.М. Достоевский. Наконец, в 1850-е гг. в русской эмиграции рождается оригинальная версия социалистической доктрины – теория русского социализма, разработанная А.И. Герценом, а затем подхваченная в России ведущим публицистом журнала «Современник» Н.Г. Чернышевским.

Особенностью «русского социализма» было убеждение, что в России переход к социализму может совершиться легче и быстрее,

чем в Западной Европе. Герцен и его последователи аргументировали это тем, что в России на протяжении столетий сохраняется крестьянская община – готовая «ячейка» будущего социалистического общества с развитой практикой общественного владения землей, коллективной организации некоторых видов сельскохозяйственного труда, демократического решения всех спорных вопросов («миром», «мирским согласием»). Сторонники «русского социализма» были убеждены, что идеалы русского крестьянина соответствуют основным принципам социалистической теории. С их точки зрения, социальная революция в России нужна для того, чтобы убрать все преграды на пути свободного развития народа (самодержавие, помещичье землевладение, чиновничий аппарат и т.д.), чтобы позволить народу беспрепятственно воплотить на практике свою выстраданную *правду*.

Именно поэтому в общественной мысли за «русским социализмом» утвердилось название «народничество» - приверженцы этого политического течения искренне считали, что борются за идеалы народа. Это придавало российским социалистам сознание моральной правоты своего дела, уверенность в его исторической победе.

Следует уточнить, что в XIX в. понятие «народ» в русском языке могло трактоваться и как «народ-демос» (пользуясь определением В.И. Даля, «чернь, простолудье, низшие, податные сословия»), и как «народ-нация» (политическая и культурная общность, объединяющая людей вне зависимости от их социальной принадлежности – по В.И. Далю, «жители страны, говорящие одним языком») (Даль, т. 2, с. 474). С середины XIX в. термин «народ» все чаще стал употребляться в значении «совокупность непривилегированных слоев общества, преимущественно крестьянство»: общества сверху донизу, тогда как термин «народ» определенно относится лишь к крестьянству (Герцен, т. 7, с. 211).

Историк русской мысли А. Валицкий выделял следующие характерные черты народнической идеологии:

- сочувственное отношение к народу, идеализация традиционных форм его жизни;
- негативное отношение к капитализму как к силе, разрушающей традиционный уклад, нормы и ценности народной жизни;
- убеждение, что решение проблем общества возможно лишь путем прогрессивного развития разума, образования, науки;
- вытекающее из этих постулатов представление о возможности прогресса «минуя капитализм»;
- вера, что новый, справедливый общественный строй можно построить, опираясь на традиционные институты, сохранившиеся в народных массах, например, на крестьянскую общину (Валицкий, с. 240-243, 288).

Социальной опорой социалистических учений в России эпохи Великих реформ стала студенческая, молодежная среда. Стимулом к развитию социалистических идей стало то, что значительная часть демократически настроенной российской общественности сочла реформу 1861 года несправедливой. «Первой волной» нового политического движения стал нигилизм, возникший на рубеже 1850-1860-х годов; отрицая ценности и традиции современного им общества, нигилисты «разрушали, чтобы строить», призывали к переустройству социальной жизни на началах разума и справедливости. К 1863 году эта волна радикального оппозиционного движения была подавлена; арест Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева, смерть А.Н. Добролюбова, казалось, положили конец этому общественному течению: радикально настроенная молодежь лишилась своих ведущих идеологов.

Но к 1868 году оппозиция обрела второе дыхание. Голод в Центральном Черноземье снова поставил на повестку дня вопрос о «грабительском» характере реформы 1861 года. Среди петербургских студентов началось брожение, вызванное введением новых университетских правил; волнения привели к массовым исключениям из университета, а значит, молодые бунтари должны были искать для себя новое место в жизни. Русский радикализм переживает

свое возрождение: создавались новые конспиративные организации, приходили новые лидеры, новые идеологи.

В 1868 г. в эмиграции М.А. Бакунин начал издание журнала «Народное дело», первая статья которого завершалась знаменитым призывом к русской молодежи – «В народ! В народ!» В том же 1868 году журнал «Неделя» начал публикацию серии статей П.Л. Лаврова под общим заглавием – «Исторические письма», где поднималась проблема долга интеллигенции перед народом. В 1869 г. увидела свет статья литературного критика Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?», где был поставлен вопрос о том, необходимо ли для человечества в целом и России в частности вступать на путь капиталистического, промышленного развития, и не ведет ли этот путь к деградации человека и общества?.. В конце 1860-х гг. сложилось ядро будущего Большого общества пропаганды, которое в 1873-1875 гг. предприняло знаменитое «хождение в народ» с целью революционной пропаганды в среде крестьянства. На рубеже 1860-1870-х гг. С.Г. Нечаев предпринял попытку создать законспирированную террористическую организацию «Народная расправа», спаянную жесткой дисциплиной и безусловным повиновением лидеру. «Нечаевская авантюра» оказалась неудачной и надолго скомпрометировала революционное движение, но шаг в опасном направлении был сделан – следующей конспиративной террористической организацией стала в конце 1870-х гг. «Народная воля». В силу этих причин ряд исследователей считает, что именно 1868-1869 гг. следует считать временем рождения народничества (Козьмин, с. 682-683, Зверев, с. 79-80).

В советской историографии обычно выделяли три ветви или течения народничества: «анархистскую» или «бунтарскую», представленную именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина; «пропагандистскую», идеологом которой был П.Л. Лавров (и к которой иногда относят также Н.К. Михайловского); «бланкистскую» или

«заговорщическую», идеологами которой были С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев. Представители этих трех течений народничества были относительно единодушны относительно идеала общественного устройства – но не могли прийти к согласию по вопросу о путях достижения идеала, то есть о методах подготовки и осуществления социальной революции в России. Крупнейшими идеологами народничества были М.А. Бакунин и П.Л. Лавров; члены социалистических кружков, предпринявшие «хождение в народ» с целью революционной пропаганды в 1873-1875 гг., называли себя «лавристами» или «бакунистами».

М.А. Бакунин (1814-1876) в юности был участником диспутов западников и славянофилов; в 1840-е гг., как и Герцен, покинул Россию и стал политическим эмигрантом. Все современники, знавшие Бакунина, отмечали его неистовый бунтарский темперамент. На его боевом счету – участие в пражском восстании и в дрезденской революции 1848 года, борьба за создание независимого польского государства. Бакунин сидел в двух тюрьмах – австрийской и русской; пережил ожидание смертной казни; бежал из сибирской ссылки через Японию и США. Вернувшись в Европу, он сотрудничал с Герценом; поддерживал польское восстание 1863 года; был в числе лидеров марксистского I Интернационала; участвовал в организации Лионского восстания, революции в Испании, восстания в Болонье; наконец, в последние годы жизни сотрудничал с движением Рисорджименто в Италии. В 1868-1869 гг. Бакунин основал в Женеве свою политическую организацию, Альянс Социал-демократии, и начал издавать журнал «Народное дело», где впервые были сформулированы положения его анархической доктрины.

Наряду с французским мыслителем П.Ж. Прудоном Бакунин считается основоположником анархизма – политического течения, провозгласившего своей целью уничтожение государства и замену его свободной ассоциацией граждан.

Стержнем мировоззрения Бакунина было понимание человека как единственного существа в мире, которому присуще чувство свободы. Две силы, которые, по мнению Бакунина, гнетут человека, отнимая у него свободу – Бог и государство; поэтому, чтобы обрести себя и свою свободу, человек должен свергнуть их власть. «Революция должна быть атеистична, – утверждал он, – ибо исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, чтобы тысячи господ расплодились по земле» (Бакунин, 1987, с. 275).

Исходным пунктом его анархической доктрины было утверждение, что общество и государство – диаметрально противоположные явления. Общество – естественная стихия человека; оно существует «независимо от всякого договора», «управляется нравами и традиционными обычаями»; государство же – чуждая человеческой индивидуальности сила, «сумма жертв, которые приносят его члены, отказывающиеся от части своей свободы ради общего блага» (Бакунин, 1989, с. 87-89). Для Бакунина были одинаково неприемлемы любые формы государства – от монархии до республики, поскольку, каким бы ни было государство, оно разобщает людей, восстанавливает одни народы против других, разрушает узы общечеловеческой солидарности; оно «должно пожирать других, дабы самому не быть растерзанным» (Бакунин, 1989, с. 92-93).

Идеалом будущего строя для Бакунина был анархизм: свободная ассоциация людей, где любой народ, провинция, община имеют право на самоопределение. Если современное государство, подчеркивал Бакунин, строится «сверху вниз» – центральные органы власти устанавливаются, какой объем прав и полномочий они могут безболезненно передать местным органам управления, – то при анархизме общество будет строиться по принципу «снизу вверх»: сами общины решают, какие полномочия они предоставляют центру. Автономные общины с правом самоуправления будут первичной ячей-

кой общества; следующая ступень общественного устройства – автономные провинции, представляющие собой федерацию общин; наконец, нация будет представлять собой федерацию провинций, а над национальными объединениями, в свою очередь, встанет «интернациональная федерация свободных народов» и независимый международный суд (Бакунин, 1987, с. 276-277).

В остальном идеал Бакунина вполне вписывался в традицию социалистической мысли. Социализм, считал он, позволяет «организовать общество таким образом, чтобы каждый индивидуум, мужчина или женщина, появляясь на свет, имел бы приблизительно равные возможности для развития различных способностей и для их применения в своей работе» (Бакунин, 1989, с. 40). Для этого необходимы отмена права наследования; всеобщая обязанность трудиться; общественное воспитание детей; равенство мужчины и женщины во всех политических и социальных правах; упразднение семьи и брака; социальная забота о стариках и больных. Введение такого строя потребует революционных преобразований: передачи земли – крестьянским общинам, фабрик и заводов – рабочим ассоциациям; упразднения церкви, армии, бюрократии, юридических учреждений, денег и финансово-экономических учреждений, тюрем и палачей. Главное же дело революции – уничтожение государства как института насилия над личностью.

Бакунин, испытавший первоначально сильное влияние воззрений Маркса, стал впоследствии убежденным политическим противником Маркса и марксизма. Главным пунктом расхождений между Марксом и Бакуниным была марксистская идея «революционного государства», «диктатуры пролетариата». Бакунин считал, что диктатура пролетариата неизбежно превратится в заурядный «деспотизм управляющего меньшинства»: «бывшие работники», придя к власти, вскоре «перестанут быть работниками и станут смотреть на

весь чернорабочий мир со стороны государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои претензии на управление народом» (Бакунин, 1989, с. 482-483). Гарантией от перерождения революционной власти может быть, по Бакунину, только упразднение всякой власти вообще и последовательное проведение в жизнь принципов анархизма.

Во главе перехода к анархическому и социалистическому строю, по Бакунину, должны быть крестьянские страны, не испорченные капитализмом: Италия, Испания, Латинская Америка и, конечно, Россия. В России, как считал Бакунин, осуществить революцию будет достаточно легко, поскольку российское государство, по его мнению, чуждо народу: оно сложилось в результате сложного исторического сплетения византийского, татарского, немецкого влияний (Бакунин, 1989, с. 330). Крестьяне чувствуют это инстинктивно: свидетельство тому – их безотчетная враждебность по отношению ко всем чиновникам и государственным институтам. Идеалом общественного устройства, который веками хранится в памяти народа, Бакунин, как и Герцен, считал *«вольную экономическую общину»* (Бакунин, 1989, с. 540-541). Народ, с его многовековым опытом организации жизни на общинных началах, предстает в концепции Бакунина как носитель анархического социального идеала. Поэтому, согласно Бакунину, истинные революционеры должны опираться на народные идеалы: «Наш народ не белый лист бумаги, на котором любое тайное общество может написать что ему угодно, – предупреждал Бакунин. – Стремиться навязать народу *свою* мысль... значит хотеть поработить его новому государству» (Бакунин, 1989, с. 538-546).

Последователем Бакунина был Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921), представитель княжеского рода, ученый-географ, ставший профессиональным революционером. Кропоткин стремился превратить анархизм из утопии в строгую научную теорию;

для этой цели он использовал невероятно популярное тогда естественнонаучное учение – дарвинизм. Как считал Кропоткин, учение Дарвина следует дополнить: в животном мире инстинкт борьбы за существование неразрывно переплетен с другим инстинктом – солидарности, взаимопомощи. Этот принцип относится и к человеческому обществу: «то называется хорошим у муравьев, у сурков, у христианских проповедников и у неверующих учителей нравственности, что полезно для сохранения рода; и то называется злом, что вредно для него» (Кропоткин, с. 25). По Кропоткину, следует искать такую модель устройства человеческого общества, которая была бы основана на принципах солидарности и равенства: «Чем полнее чувствует каждый член общества свою зависимость от каждого другого, тем лучше развиваются во всех два качества, составляющие залог победы и прогресса: мужество и свободная инициатива каждой отдельной личности» (Кропоткин, с. 33). И напротив: сознательный революционер-анархист должен объявить войну всем тем принципам общественного устройства, которые противоречат идеям солидарности и равенства: «закону, религии и власти», поскольку они непрерывно порождают рабство и подчинение, «грязный поток обмана, хитрости, эксплуатации, развращения и порока» (Кропоткин, с. 33, 46-47). От этого, считал Кропоткин, зависит выживание человека как биологического вида и его дальнейшее развитие.

Если Бакунин стремился выявить народные идеалы справедливого общественного устройства, а Кропоткин искал основу для этих идеалов в природном мире, то П.Л. Лавров разрабатывал проблемы роли интеллигенции в процессе общественного развития.

Петр Лаврович Лавров (1823-1909) был дворянином, потомственным военным, профессором математики Артиллерийской академии. Лавров сотрудничал в либеральной печати; в 1866 году он был арестован по делу Каракозова, сослан в Вологду, где и было

создано самое известное его произведение – «Исторические письма» (1868-1869).

По своей проблематике «Исторические письма» представляли собой попытку решить вопрос о прогрессе с нравственной, этической точки зрения. Лавров глубоко знал современную ему социальную философию; наибольшее влияние на его концепцию оказали мыслители-позитивисты О. Конт и Г. Спенсер, а из российских мыслителей – А.И. Герцен.

Как был убежден Лавров, именно гуманитарные науки, и особенно история, играют ключевую роль в формировании мировоззрения человека. История же начинается там, где есть свободная воля человека, способность ставить себе цели и достигать их; в исторической реальности всегда присутствует такая категория, как *возможность*. Поэтому история позволяет взглянуть на человека как на центр «для мира, понятого человеком, покоренного его мыслью и направленного к его целям» (Лавров, т. 2, с. 22).

Целью прогресса Лавров считал «развитие личности в умственном, физическом, нравственном отношении»; вершиной прогресса – появление «гармонически развитой личности», в которой эти три начала были бы развиты в равной степени. Соответственно прогрессивным можно назвать то общество, строй которого благоприятствует развитию личности.

Но много ли можно отыскать в истории образцов человеческого общества, где были бы обеспечены условия для всестороннего развития человека? А если история и выдвигала когда-либо тип личности, близкий к идеалу – не слишком ли дорогой ценой было оплачено это развитие?..

Четвертое «Историческое письмо», в котором Лавров поднимает центральный вопрос своей работы, носило название «Цена прогресса». Там Лавров говорит о том, что для появления гениальных личностей необходимо, чтобы в обществе наличествовала «маленькая группа людей, сознательно стремившихся к развитию

в себе человеческого достоинства, к расширению знаний, к укреплению характера»; для того, чтобы могла образоваться эта маленькая группа, необходимо, чтобы в обществе существовало «меньшинство, обеспеченное от самых тяжких забот жизни» и располагающее досугом; а для существования обеспеченного меньшинства требуется тяжкий труд «большинства», вынужденного бороться «за насущный хлеб, за кров и одежду». «Дорого заплатило человечество за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о *его прогрессе*, – заключает Лавров. – ...Если бы вычислить, сколько потерянных человеческих жизней и какая ценность труда приходится на каждую личность, ныне живущую *несколько* человеческою жизнью, – если бы все это сделать, то, вероятно, иные наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капитал крови и труда израсходован на их развитие» (Лавров, т. 2, с. 75, 81).

Требование, которое Лавров предъявляет своим современникам, проникнуто этическим максимализмом – человек, осознавший однажды степень своей невольной вины перед народом, должен сказать себе: «Зло надо исправить, насколько можно... Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем» (Лавров, т. 2, с. 86). Мыслящая, образованная часть русского общества должна искупить свою вину перед народом, вернуть народу свой исторический долг – вот ключевая идея «Исторических писем», этическая максима, ставшая стержнем народнической идеологии.

Как вернуть долг народу? Лавров оставлял читателю возможность выбрать один из двух вариантов: либо повседневная культурно-просветительская работа, «посильное распространение удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство», – либо политическая борьба, создание революционной партии и переустройство всего социального строя (Лавров, т. 2, с. 87).

«Историческими письмами» Лаврова вдохновлялись в 1873-1875 гг. участники «хождения в народ», стремившиеся с помощью пропаганды поднять народ на революционную борьбу. Позже, в 1880-е годы, призыв Лаврова будет истолкован уже в культурно-просветительском духе, в духе теории «малых дел», и та же самая система ценностей вызовет приток молодежи на общественную службу в земства, для непосредственной практической помощи крестьянству. Жертвенность и самоотверженность, доходящие до степени аскетизма и революционного фанатизма, станут отныне символом эпохи и неотъемлемой чертой духовного облика народника.

Таким образом, за 1860-1870-е годы народничество претерпело серьезную эволюцию. Родившись как идеология леворадикального политического течения, оно постепенно превратилось в целостное направление русской мысли, включающее в себя не только представления о социальном идеале и о путях его достижения, но и этику, социальную антропологию, философию истории. Характерными чертами этого направления стали признание важной роли личности в истории и связанный с этим максимализм нравственных требований, признание многовариантности исторического развития, восприятие России как особого социального «типа». Используя терминологию Н.К. Михайловского, можно сказать, что народничество стало для пореформенной российской интеллигенции «системой Правды», объединившей правду-истину и правду-справедливость, – систему представлений о мире, об общественном устройстве и о смысле человеческой жизни.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы ключевые особенности социалистических учений в целом и народничества в частности?
2. В какой период и под влиянием каких факторов в российской общественной мысли формируется народническое течение?

3. Каково происхождение термина «народничество»? В каких значениях этот термин используется в литературе?

4. Какие течения обычно выделяют в народничестве? Какие другие классификации этого направления Вам известны?

5. Как М.А. Бакунин оценивал роль религии и государственности в истории человечества?

6. Охарактеризуйте идеал будущего общественного устройства, предложенный в работах М.А. Бакунина.

7. На каких этических принципах, по мнению П.А. Кропоткина, должно быть основано будущее общественное устройство?

8. Какие проблемы социальной философии и философии истории затрагивались в «Исторических письмах» П.Л. Лаврова?

9. Какие этические требования предъявлял П.Л. Лавров своим современникам?

Творческое задание (эссе). Народнический социализм

Составьте конспект статьи П.Л. Лаврова «Вперед! Наша программа» или работы П.А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?». Выделите их основные идеи. Ответьте на следующие вопросы:

1. Каковы, согласно П.Л. Лаврову, те «две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек»? Какую из этих целей он считал более актуальной для России?

2. Каким виделся Лаврову будущий справедливый социально-политический строй? Почему в переходе к этому строю, с его точки зрения, важную роль должна сыграть крестьянская община?

3. Какие «4-5 крупных черт» идеала будущего строя выделял П.А. Кропоткин? Как можно определить сущность этого идеала?

4. Как Кропоткин трактовал «равенство прав на труд»? Какие социальные преобразования, с его точки зрения, должны осуществиться, чтобы люди могли достичь такого равенства?

5. Как, согласно Кропоткину, должно быть организовано управление и самоуправление в обществе будущего?

6. Какие методы достижения этих целей предлагали Лавров и Кропоткин? Какую роль в будущей революции, с их точки зрения, должны сыграть народ и «революционная партия»? В каких группах населения, по их мнению, революционная партия должна развернуть свою работу?

Сделайте выводы о сходстве и различиях идей П.А. Кропоткина и П.Л. Лаврова.

6. КОНСЕРВАТИЗМ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Консерватизм представляет собой социально-политическое направление, для сторонников которого высшей ценностью является сохранение традиций: политических, национальных, семейных, религиозных и других. Поскольку каждому обществу свойственны свои традиции, консерватизм многолик; консервативную идеологию невозможно свести к какой-либо общей формуле. Обычно консерваторы являются сторонниками сильной центральной власти; они могут выступать за проведение каких-либо реформ, но при условии, что инициатива перемен будет исходить от самой власти – для сохранения политической стабильности и общественного спокойствия. Консервативная идеология, как правило, формируется, когда традиционным порядкам что-то угрожает – в ответ на радикальные реформы или «вызов» со стороны других политических движений, либерализма или социализма. Так, стимулом оформления идеологии консерватизма в Европе XIX в. стали Великая Французская революция и наполеоновские войны.

В России важными вехами оформления консервативной идеологии были памфлет М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России», написанный в 1780-е гг. и содержащий критику петровских реформ; «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина, написанная в 1811 г. и представлявшая собой развернутую критику реформаторских проектов М.М. Сперанского. В правление Николая I консерватизм становится официальной идеологией: министр народного просвещения С.С. Уваров сформулировал три принципа, на которых должно было строиться образование молодежи: «православие, самодержавие, народность»; позднее эта идеология получила у историков название «теория официальной народности». Согласно Уварову, «особый путь» России обусловлен безграничной преданностью русского народа православной вере и самодержавию;

социальные конфликты и революции по европейскому образцу здесь невозможны, поскольку все сословия сплочены вокруг престола; вольнодумные идеи в России порождены не внутренними причинами, а европейским влиянием (Зорин, с. 337-374). Эти постулаты были положены в основу учебных пособий по русской истории для университетов, гимназий и реальных училищ, написанных историком Н.Г. Устряловым.

Кризис теории «официальной народности» наступил после поражения в Крымской войне (1853-1856) и официального провозглашения курса на реформы. В первые годы царствования Александра II перемен требовало все общество, от консерватора-славянофила М.П. Погодина до социалиста А.И. Герцена. В период «либеральной весны» 1856-1861 гг. политическая борьба шла не столько между сторонниками и противниками освобождения крестьян, сколько между сторонниками конкретных моделей крестьянской реформы (и это понятно, ведь инициатива отмены крепостного права исходила от самого императора). Показательно, что будущий ведущий идеолог русского консерватизма К.П. Победоносцев в начале 1860-х годов входил в комиссию по подготовке судебной реформы, наиболее либеральной из всех Великих реформ.

Тем не менее, на протяжении 1860-1870-х гг. в высших кругах российского общества существовала «аристократическая оппозиция»; к ней принадлежали такие влиятельные политики, как министр внутренних дел П.А. Валуев (впоследствии – министр государственных имуществ, председатель комитета министров), глава III Отделения и шеф корпуса жандармов П.А. Шувалов, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский и другие. Программа «аристократической оппозиции» предполагала ограничение крестьянского самоуправления, предоставление помещному дворянству доминирующего положения в местных орга-

нах власти и даже дарование дворянству политических прав в качестве своеобразной компенсации за отмену крепостного права. Это не позволяет в полной мере считать «аристократическую оппозицию» консерваторами – ведь появление в России представительного органа даже с самыми умеренными законосовещательными правами существенно изменило бы расстановку политических сил и сам характер политического строя (Христофоров). Однако эти планы в правление Александра II реализованы не были.

После неудавшегося покушения Д.В. Каракозова на Александра II в 1866 г. правительство повернуло к консервативному курсу. Этот поворот был связан с усилением политического влияния П.А. Шувалова, с отставкой ряда либеральных министров и с проведением консервативных «контрреформ» в сфере образования. В то же время полного отказа от реформаторского курса не произошло: после 1866 г. были успешно осуществлены, в частности, городская и военная реформы. Выдвигались проекты и других социальных, экономических и политических реформ, в том числе планы создания в России представительного органа; эти планы были «заморожены» в годы русско-турецкой войны, но власть вернулась к ним во время политического кризиса 1878-1881 гг.

Лидерами консервативного направления общественной мысли 1860-1870-х гг., как правило, становились те политики и публицисты, кто задумывался о побочных результатах реформ – о росте нигилизма и левого радикализма, или же опасался, что в ходе преобразований Россия утратит свою национальную специфику. Так, нигилизм 1860-х гг. породил в российской общественной мысли и литературе ответную реакцию – идеологию «возвращения к почве», или «почвенничество». Как и их оппоненты, почвенники пытались воздействовать на общественное мнение через литературу и литературную критику.

Первым органом почвенничества как особого идеологического направления стал журнал «Время», выходявший в 1861-1863 гг. В его редакции сотрудничали братья Ф.М. и М.М. Достоевские, литературный критик Н.Н. Страхов, поэт А.А. Григорьев. Программу «Времени» сформулировал Ф.М. Достоевский в статье, помещенной в первом номере журнала. Повторяя славянофильский тезис о том, что реформы Петра I разобщи́ли образованное общество и народ, Достоевский утверждал, что преодолеть этот разрыв можно, лишь двигаясь по пути реформ – но они должны вести не к торжеству капитализма, а к созданию особого уклада жизни, основанного на общинном начале и русских традициях областного самоуправления. Западничество и славянофильство Достоевский считал отжившими идеологиями, полагая, что односторонность каждой из них нуждается в преодолении, что необходима новая идея, способная сплотить русское общество накануне великих перемен. Такой идеей, по мысли сотрудников редакции, должно было стать «возвращение к почве», то есть сочетание разума интеллигенции с религиозным мирозерцанием простого русского народа.

Эту проблематику Достоевский развивал не только в своих романах, но и в публицистических произведениях, прежде всего в «Дневнике писателя» – авторском сборнике произведений Достоевского, который печатался в журнале «Гражданин» в 1873-1875 гг. и как отдельное периодическое издание в 1876-1881 гг. «Дневник писателя» включает в себя публицистические отклики Достоевского на злободневные события внешней и внутренней политики России.

«Дневник писателя» является литературно-публицистическим обоснованием идеологии почвенничества – или, как его предпочитал называть в те годы сам Достоевский, славянофильства. Но славянофильство Достоевского несколько отличалось от классического славянофильства 1840-1850-х гг. Сам Достоевский писал, что

понимает славянофильство как веру в великое историческое предназначение России: «в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» (Достоевский, с. 230).

Согласно Достоевскому, в современном ему мире господствуют три идеи: «идея католическая» или французская, «идея протестантская» или германская, и, наконец, нарождающаяся «идея славянская» - «может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человечества и Европы» (Достоевский, с. 6-10, 176-196). Первую из этих идей, «идею католическую», Достоевский понимал как стремление к «насильственному единению человечества», слиянию в общий «человеческий муравейник» под единой духовной властью. По его мнению, в XIX веке эта идея была унаследована от католической церкви социалистическим движением. Под второй «мировой идеей», «протестантской», Достоевский понимал воинствующий индивидуализм, самоутверждение человека. Спасительной, как он считал, может оказаться «третья идея», связанная с православием – идея «великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово», которую несет в себе русский народ (Достоевский, с. 489). Это «всеединение человеческое», «мировое общение народов» будет предполагать «уважение к национальным личностям»; это будет «единение любви, *гарантированное* уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов» (Достоевский, с. 115, 227).

Герценовский лозунг «русского социализма» у Достоевского был переосмыслен в религиозном ключе: под «русским социализмом» писатель понимал «всесветное единение во имя Христово», «всенародную и вселенскую церковь, осуществленную на земле, поколику земля может вместить ее» (Достоевский, с. 489). Если же

русский народ во главе объединенного славянства не сумеет выполнить своей великой миссии – тогда, предупреждал Достоевский, в мире восторжествуют либо идея насильственного объединения людей в общий «муравейник», либо воинствующий индивидуализм.

Таким образом, «почвенничество» Достоевского опиралось прежде всего на его веру в великую всемирно-историческую миссию русского народа, в то, что человечество может быть обновлено и духовно возрождено «русскою мыслью, русским Богом и Христом» (характерно словосочетание – «русский Бог»). С этой центральной идеей были неразрывно связаны и другие черты его мировоззрения: убеждение, что «Христова правда» хранится именно в простом русском народе, не затронутом европеизацией, и что интеллигенция может обрести духовное возрождение лишь через приобщение к народной правде, через опыт смирения и покаяния. В мировоззрении Достоевского, таким образом, парадоксальным образом соединились черты славянофильства, консерватизма и социализма; сам он считал целью своей деятельности поиск мировоззрения, способного объединить самые разные течения русской мысли.

В числе лидеров российского пореформенного консерватизма необходимо назвать публициста Михаила Никифоровича Каткова (1818-1887), издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В 1860-1870-е годы его можно было считать не «классическим» консерватором, а скорее сторонником «охранительного либерализма». На страницах своих изданий Катков выступал в поддержку судебной реформы, предлагал собственный проект земской реформы, а вопрос о введении всеобщей воинской повинности поднял даже раньше, чем он был возбужден на государственном уровне. Именно Катков предложил и обосновал принцип «всесословности» – учета интересов всех сословий, доступа для всех сословий к участию в новых органах самоуправления, – который

в годы правления Александра II фактически был официальным лозунгом реформаторской политики (Твардовская, с. 131-137, 141, 162-170).

Лишь по одному вопросу Катков занимал жесткую и непримиримую позицию: чтобы не утратить стабильности в ходе преобразований, Катков считал необходимым обуздать нигилизм интеллигенции. По мнению Каткова, нигилизм не имеет глубоких корней в русской жизни; он возник в «подвижном слое литературного пролетариата и полуобразованного мещанства» как результат неправильной постановки учебного дела в России, воспитания молодежи в духе «праздных умствований» (Твардовская, с. 149-153). Катков был одним из инициаторов контрреформы среднего образования, проведенной министром народного просвещения графом Д.А. Толстым после событий 1866 г. В ходе ее были сокращены часы на преподавание естественных наук, русской литературы и русской истории, воспитывающих самостоятельность мышления, зато гимназистов заставили изучать латинский и древнегреческий языки – по мысли авторов контрреформы, «мертвые языки» дисциплинируют мышление и прививают юношеству привычку к систематической усердной работе. «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции, – писал Катков. – Эта-то интеллигенция и есть наша язва, от которой мы должны во что бы то ни стало освободиться» (Твардовская, с. 177-178). Противопоставление народа и «иностранной интеллигенции» впоследствии станет ведущей идеей российского консерватизма.

Во время политического кризиса 1878-1881 гг. Катков перешел на более консервативные позиции и стал ведущим идеологом российского монархизма. Катков требовал «явить святую силу власти во всей грозе ее величия» в борьбе не только с революционно-террористическим движением, но и с «либеральными бюрократами», предлагавшими ограничить самодержавие (Твардовская, с. 185).

Сила России, по Каткову – в «единстве коренных элементов народной и государственной жизни»: царя, народа и церкви. Власть самодержавного царя, писал он, носит не только политический, но в первую очередь религиозно-нравственный характер, поскольку русский царь – «не только государь своей страны и вождь своего народа», но и «Богом поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви» (Катков, с. 95). По Каткову, именно на осознании духовной природы царской власти и держится преданность простого народа престолу: «Народ верит, что сердце Царево в руке Божией. Оно заколеблется – колеблется и падает все» (Катков, с. 59).

Только самодержавие, считал Катков, в состоянии остановить борьбу партий и сословий; перед лицом царской власти, поставленной на недостижимую высоту, уравнивается «различие сословий, цехов, разрядов и классов», знатных и простолюдинов, богатых и бедных: «Единая власть, и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ – вот истинное царство» (Катков, с. 69).

По Каткову, самодержавная власть стоит выше формального права и закона; «есть только одна воля, которая имеет право сказать: “Я закон”», и именно поэтому ей под силу произвести любые исторические перемены: «только самодержавный Царь мог без всякой революции, одним своим манифестом, освободить двадцать миллионов рабов, и не только освободить лично, но и наделить их землей» (Катков, с. 58-59, 70). Публицист приходит к парадоксальному выводу, что неограниченное самодержавие является лучшей гарантией «народной свободы», чем конституция, и в большей мере обеспечивает учет народных интересов, чем демократическое представительство, которое «всегда будет более закрывать собою, нежели открывать народ с его нуждами» (Твардовская, с. 202). Поэтому, подчеркивал Катков, сам монарх не имеет права как-либо уменьшить полноту своей власти ни в пользу представительных

учреждений, ни в пользу каких-либо органов административной власти: это означало бы, что он отрекается от той великой миссии, которая возложена на него самим Богом.

Эту концепцию разделял один из самых влиятельных политических лидеров России конца XIX века – Константин Петрович Победоносцев (1827-1907); именно он четко сформулировал и привел в систему все основные постулаты российской консервативной идеологии.

Победоносцев был юристом по образованию, профессором кафедры гражданского права Московского университета; в 1860-1865 гг. он был наставником наследника престола цесаревича Николая Александровича, а с 1865 г., после смерти цесаревича – наставником его брата Александра Александровича, будущего императора Александра III. С 1870-х годов началась стремительная карьера Победоносцева: он был введен в Сенат, Государственный Совет, с 1880 по 1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода.

В 1881 году, после гибели Александра II, именно Победоносцев осуществил своеобразный дворцовый переворот, добившись отставки сторонников продолжения реформ: министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, военного министра Д.А. Милютина, министра финансов А.А. Абазы. Перу Победоносцева принадлежал первый манифест нового императора Александра III, объявивший о решении царя охранять самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее поползновений»: этими словами Победоносцев уравнил террористов-народовольцев и либеральных министров, добивавшихся введения так называемой «Конституции Лорис-Меликова». Именно Победоносцев в течение двух десятилетий осуществлял идеологическое руководство внутренней политикой Александра III: консервативной, содержащей элементы социальной защиты отношению к низшим социальным слоям, но не допускавшей гражданской самостоятельности общества. Победоносцев

стал политическим наставником и для следующего императора, Николая II; в правление двух последних императоров консерватизм стал официальной правительственной идеологией.

Исторические взгляды Победоносцева основаны на следующих постулатах: Россия не принадлежит к миру Запада, в первую очередь потому, что современная Европа отвернулась от подлинно христианского мировоззрения, и ее новым символом веры стал гуманизм – вера в естественное добро человека. Победоносцев считал, что гуманизм не имеет ничего общего с христианством, осознающим глубокую греховность и слабость человеческой натуры (Победоносцев, с. 190). Другой грех европейской культуры, согласно Победоносцеву, – рационализм, то есть вера в мощь человеческого разума и в возможность рационального переустройства человеческой жизни. В действительности же, был уверен Победоносцев, «ни наука, ни философия не господствуют над жизнью» (Победоносцев, с. 327); история представляет собой органический процесс, обусловленный факторами, находящимися вне контроля отдельного человека: землей, массовым сознанием, традициями. Каждая нация живет согласно логике своей собственной истории, любые заимствования у других народов обречены изначально.

Демократию и парламентаризм обер-прокурор Святейшего Синода патетически называл «великой ложью нашего времени». Они основаны на идее, что каждый человек способен управлять государством; на практике же представительное правление ведет к засилью «пяти-шести предводителей партий» – интересы всеобщего блага отбрасываются ради партийной и личной борьбы, и парламент превращается в «учреждение, служащее удовлетворению личного честолюбия и тщеславия, и личных интересов представителей» (Победоносцев, с. 286, 290). Тем более губительной становится демократия в многонациональном государстве демократия становится ги-

бельной: «Провидение охранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – все-российского парламента! Да не будет» (Победоносцев, с. 293).

Если рациональное регулирование жизни невозможно, остается положиться на «дух народный, его вековые предания и верования», на «натуральную, земляную силу инерции» (Победоносцев, с. 187, 310), – бессознательную, но могущественную силу, скрепляющую общество. Так, неграмотные крестьяне повторяют молитвы, смысла которых не понимают, но на этой почти инстинктивной вере в конечном итоге держится Россия. «Прочны и действенны только те учреждения, которых корни глубоко утвердились в прошедшем и возникли из свойств народных», – писал Победоносцев (Победоносцев, с. 353-354).

Поэтому, согласно Победоносцеву, опасно все то, что способствует разложению наивной веры масс. Реформы Александра II Победоносцев оценивал в целом отрицательно; в частных письмах он высказывал мнение, что отмена крепостного права была преждевременной (Великие государственные деятели, с. 448). Хотя сам Победоносцев был одним из авторов проекта судебной реформы, проведенной в 1864 году, впоследствии он стал ее убежденным противником и критиком, доказывая, что в результате реформы суд присяжных заменил карающую длань государства судом улицы, исчезла вера в неотвратимость наказания, гласное судопроизводство продемонстрировало народу, что преступником может оказаться и генерал, и священник. Победоносцев резко критиковал свободу прессы: «рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, и таланты пишут, что угодно редактору» (Победоносцев, с. 302). Еще более опасной Победоносцев считал идею свободы совести: веротерпимость означает на самом деле равнодушие к религии и приучает народ к мысли, что истинной веры не существует (Победоносцев, с. 178-179). Народное просвещение Победоносцев считал

необходимым, но под контролем церкви, поэтому он был автором идеи создания системы церковно-приходских школ: «народная школа должна быть не только школой арифметики и грамматики, но прежде всего школой добрых нравов и христианской жизни»; «главным предметом должен быть закон Божий» (Победоносцев, с. 178-179).

При этом Победоносцев, как показывает его переписка и воспоминания современников, не идеализировал существующего в России самодержавного государства, прекрасно осознавая его недостатки: коррумпированность бюрократии, невозможность организовать эффективную систему контроля, – но полагал, что исправлять эти недостатки следует не перестройкой политической системы, а умелым подбором компетентных и честных исполнителей.

Победоносцев был противником каких бы то ни было политических компромиссов самодержавной власти с либералами: либералы представлялись ему проводниками европейского влияния и потому более опасными врагами государства, чем революционеры. «Лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция, – писал он. – Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает» (Великие государственные деятели, с. 449). Как и Катков, Победоносцев возлагал именно на либералов моральную ответственность за возникновение в России революционного, леворадикального движения.

Можно проследить явную преемственность политических воззрений М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева по отношению к славянофилам: критика Запада за безбожный рационализм, восприятие православия как традиционной основы народной жизни, склонность ставить «внутреннюю правду» выше «внешнего права», нравственные узы между властью и обществом – выше правовых гаран-

тий. Но явственно видны и отличия доктрин Каткова и Победоносцева от славянофильства. С точки зрения славянофилов, хранителем «внутренней правды» является народ, носитель идеала соборности; с точки же зрения идеологов пореформенного консерватизма, хранителем правды на земле является монархическая власть, выступающая как надклассовая и надсословная сила; а народ является объектом патерналистской опеки со стороны государства и рискует утратить свою традиционную веру, как только эта опека будет ослаблена. Заметны и различия между доктринами идеологов пореформенного консерватизма: Катков обосновывал необходимость неограниченного самодержавия с помощью религиозно-мистических аргументов, а Победоносцев – путем прагматических доводов.

Русский консерватизм, как и любое другое течение общественной мысли, не был однородным. В течение XIX века он не раз менял свой облик, откликаясь на вызовы времени: в трудах его представителей усиливались то реформаторские, то охранительные мотивы. Общим оставалось то, что все идеологи консерватизма считали самодержавный строй идеальным для России, противопоставляя его «тупиковому пути» демократий; все они видели лучшую опору власти в традиционных верованиях русского народа; все они были убеждены, что Россия должна строить свою политику на основе православных ценностей.

Современные исследователи признают, что консерватизм не был однозначно связан с защитой сословных интересов дворянства; что консервативное мировоззрение было свойственно представителям практически всех общественных слоев, и в силу этого консервативные политические теории объективно могли бы сыграть роль политической платформы, объединяющей российское общество под эгидой верности монарху (Гросул, с. 420-422). Но к началу XX в., чтобы выиграть политическую конкуренцию у других

направлений общественной мысли – либералов, социалистов-народников, марксистов – необходимо было наличие созидательной, реформистской программы и умение выдвинуть популистские лозунги. Решать эту задачу российским консерваторам пришлось уже в правление Николая II.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы были исторические условия развития консервативной доктрины в конце XIX – начале XX вв.?

2. Охарактеризуйте почвенничество как явление общественной мысли России эпохи «Великих реформ». Какие мыслители были представителями этого направления? В чем смысл лозунга «возвращение к почве»?

3. В чем, по мнению Ф.М. Достоевского, состоит всемирно-историческое призвание России и русского народа?

4. Охарактеризуйте концепцию монархической власти, предложенную М.Н. Катковым.

5. Выделите ключевые идеи, положенные в основу политической доктрины К.П. Победоносцева. В чем он видел достоинства самодержавной монархии? Что, по мнению Победоносцева, является важнейшей духовной опорой власти?

6. Как оценивали К.П. Победоносцев и М.Н. Катков реформы, осуществленные в правление Александра II, и их исторические последствия? С общих ли позиций они рассматривали и критиковали реформы?

7. В чем проявилось сходство и различие политических воззрений М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева с идеями славянофилов? Какие черты их идеологии были традиционными для русского консерватизма, а какие – вышли на первый план в условиях пореформенной эпохи, в ответ на «вызовы времени»?

Творческое задание (эссе).

***Вариант 1. Представительное правление
и самодержавная власть в оценке К.П. Победоносцева***

Составьте конспект статей К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени» и «Власть и начальство». Выделите основные идеи данных работ.

Ответьте на следующие вопросы:

1. В какой исторический период созданы указанные статьи? Частью какого труда К.П. Победоносцева они являются?

2. Как Победоносцев определяет сущность теории парламентаризма? На каких идеях, с его точки зрения, она основана?

3. Почему Победоносцев считает демократическую форму правления «самой сложной и самой затруднительной из всех известных в истории человечества»? Почему в реальности, согласно автору, «выборы никоим образом не выражают волю избирателей»?

4. По каким признакам мы можем определить, идет ли в статье «Власть и начальство» речь о представительной или об авторитарно-бюрократической системе правления?

5. В чем, согласно Победоносцеву, состоит назначение и задачи власти в обществе?

6. В чем, по Победоносцеву, состоят трудности «выбора людей» на «подначальные должности»? Какие ошибки, с его точки зрения, наиболее часто присущи руководству?

7. Удалось ли, по Вашему мнению, Победоносцеву предложить достаточно привлекательную альтернативу парламентаризму?

Творческое задание (эссе).

Вариант 2. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского

Составьте конспект «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского, а также его «Объяснительного слова по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине». Выделите основные идеи данной работы.

Ответьте на следующие вопросы:

1. Когда и по какому поводу была произнесена «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского?

2. Какие «четыре пункта в значении Пушкина для России» выделял Ф.М. Достоевский?

3. Какой литературный тип Ф.М. Достоевский называл «самой большой язвой» современного ему общества? Какие «лекарства» от этой социальной болезни, с его точки зрения, предлагал А.С. Пушкин?

4. Каких персонажей А.С. Пушкина Достоевский считал «художественными типами положительной красоты человека русского и души его»? Чем он аргументировал свое мнение?

5. Раскройте содержание понятия «всемирная отзывчивость». Как, с точки зрения Достоевского, это качество проявилось в творчестве А.С. Пушкина?

6. С каким из течений русской мысли отождествлял себя Ф.М. Достоевский – с западничеством или со славянофильством? Видел ли он возможность примирения этих течений?

7. Сделайте выводы. Согласны ли Вы с интерпретацией исторического значения творчества А.С. Пушкина, предложенной Ф.М. Достоевским?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историю общественной мысли пореформенной России можно рассматривать как арену борьбы двух моделей мышления. Для одной из них были характерны вера в прогресс, обращенность к проблеме социальной справедливости, рационалистическое мышление, исторический оптимизм. Этой схеме, с небольшими оговорками, соответствует мировоззрение и западников-гегельянцев, и нигилистов-шестидесятников, и народников, и теоретиков русского позитивизма. Другая, оппозиционная ей, модель мышления была построена на традиционализме, религиозной вере, иррационально-образном восприятии мира, убеждении в радикальном отличии России от иных стран и в пагубности культурных заимствований. Это – мировоззрение славянофилов и «почвенников», черты которого унаследовали российские консерваторы.

На рубеже XIX-XX вв. для общественной мысли России наступило время переоценки ценностей, рефлексии над собственными традициями и стереотипами. Новые интеллектуальные течения, в первую очередь марксизм, стали серьезным вызовом для всех существовавших тогда школ и теорий: вобрать в себя новые черты были вынуждены и народническое, и либеральное, и консервативное направления общественной мысли. Далее, в период двух русских революций впервые в российской истории возникла возможность открытой политической борьбы, легального существования массовых партий – общественно-политические течения начали борьбу за массовую поддержку, что привело к серьезным изменениям в их программах, заставило заострить популистские мотивы. Наконец, в начале XX века дискуссионным становится вопрос о социальной сущности самой интеллигенции, о ее роли в культурной и политической жизни России – интеллигенция вступает в период самопознания, рефлексии, и кульминацией этого процесса стали появление

знаменитого сборника «Вехи» и развернувшиеся вокруг него споры. После революции 1917 года эти проблемы перешли, как наследие дореволюционной России, в советскую публицистику, в духовную жизнь русского зарубежья.

Главным итогом и культурным памятником напряженных идейных споров остались созданные в XIX веке труды по истории русской мысли. Определить свое место в обществе, осознать свою роль в истории России интеллигенция могла, только оглядываясь назад, подводя итоги своего исторического пути. Так родилась новая для России научная дисциплина – «история общественной мысли», или, используя более современное понятие – «интеллектуальная история».

Итоговое творческое задание (эссе).

Историография истории общественной мысли России

Выберите для анализа какой-либо научный труд по истории общественной мысли в России из прилагаемого списка. Проанализируйте выбранное Вами исследование по следующим параметрам:

- 1) время написания исследования (обязательно проверьте, совпадает ли оно с временем публикации);
- 2) представителем какой научной дисциплины или научного направления является его автор;
- 3) какой период развития русской мысли охватывают хронологические рамки работы; предложена ли в ней периодизация истории русской мысли;
- 4) какие именно направления русской мысли освещаются в данных работах; какие мыслители выбраны в качестве типичных представителей того или иного направления;
- 5) какие источники по истории общественной мысли использует автор; можно ли выделить особенности его подхода к выбору источников;

6) в чем особенности авторской методологии и методики исследования;

7) в чем, с Вашей точки зрения, заключается ключевая проблема, поднятая автором в данной работе;

8) выделяет ли автор данного исследования какие-либо ключевые особенности общественной мысли России изучаемого периода? Если да – в чем, по мнению автора, заключаются эти особенности?

Сделайте выводы о научной значимости данного исследования для изучения истории российской общественной мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники по истории общественной мысли в России

Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1: Сочинения исторические. М., 1889.

Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.

Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989.

Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 8: Статьи, рецензии и заметки. Сент. 1845-март 1848. М., 1982; Т. 9: Письма 1829-1848 годов. М., 1982.

В раздумьях о России / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1996.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 5: Письма из Франции и Италии 1847-1852. М., 1955; Т. 6: С того берега; Статьи; Долг прежде всего. Повесть; 1847-1851. М., 1955; Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851-1852 годов. М., 1956; Т. 9: Былое и думы. Ч. IV. М., 1956.

Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. В 4 т. Т. 2: И-О. СПб.; М., 1881.

Добролюбов Н.А. Вопросы, заданные жизнью. М., 1986.

Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. Т. 14: Дневник писателя. СПб., 1995.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.

Катков М.Н. Избранные труды. М., 2010.

Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907.

Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. М., 1965.

Писарев Д.И. Избранные произведения. Л., 1968.

Писарев Д.И. Исторические эскизы: Избр. статьи. М., 1989.

Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.

Русская идея: сборник / сост. и авт. вступ. ст. М.А. Маслин; коммент. Р.К. Медведевой. М., 1992.

Тургенев И.С. Собрание сочинений. Т. 3: Накануне; Отцы и дети. М., 1961.

Хомяков А.С. Сочинения. В 2 т. М., 1994.

Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. В 2 т. Т. 1. М., 1991.

Чернышевский Н.Г. Собр. соч. в 5 т. Т. 1: Что делать? Из рассказов о новых людях; Т. 4: Статьи по философии и эстетике. М., 1974.

Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 2002.

Дореволюционная историография

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 2 т. М., 1905-1907.

История русской литературы XIX века / под редакцией Д.Н. Овсянико-Куликовского. В 5 т. М., 1908-1910.

Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. М., 1909.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 ч. СПб., 1896-1903.

Овсянико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. В 3 т. СПб., 1906-1911.

Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.

Литература русского зарубежья

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [1937]. М., 1989.

Бердяев Н.А. Русская идея [1944] // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 43-271.

Зеньковский В.В. История русской философии [1948]. В 2 т. Л., 1991.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995.

Лосский Н.О. История русской философии [1951]. Москва, 1991.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции [1927] // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 403-443.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия [1937]. Вильнюс, 1991.

Историография советского периода

Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х гг. XIX века. М., 1976.

Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в.: Избр. труды. М., 1985.

Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Нечкина М.В. Встреча двух поколений: Из истории русского революционного движения конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Сб. ст. М., 1980.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3 т. М., 1919.

Зарубежная историография

Берлин И. История свободы. Россия [1952-1980]. Москва, 2001.

Биллингтон Дж. Икона и топор: Опыт истолкования русской культуры [1966]. М., 2001.

Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма [1979]. М., 2013.

Современная историография

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х тт. Т. 1: От прошлого к будущему. Т. 2: Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.

Великие государственные деятели России. Учебное пособие для вузов. М., 1996.

Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.

Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 37-51.

Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: литературная и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.

Зорькин В.Д. Чичерин. М., 1984.

Кантор Вл. Русский европеец как явление культуры. М., 2001.

Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., стер. М., 2006.

Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. Научные труды. М., 2007.

Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.

Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х годов). М., 2002.

Щукин В.Г. Русское западничество: генезис – сущность – историческая роль. Лодзь, 2001.

учебное издание

Леонтьева Ольга Борисовна

**ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
В РОССИИ XIX В.**

Учебное пособие

Редакционно-издательская обработка И. П. В е д м и д с к о й

Подписано в печать 10.05.2023. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 5,25.

Тираж 27 экз. Заказ . Арт. – 16(Р1УП)/2023.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.